

Ольга КРЮЧКОВА

ДЕМОН МОНСЕГЮРА

Серия исторических романов

Ольга Крючкова
Демон Монсегюра

«ВЕЧЕ»

2016

Крючкова О. Е.

Демон Монсегюра / О. Е. Крючкова — «ВЕЧЕ»,
2016 — (Серия исторических романов)

ISBN 978-5-4444-8434-0

Граф Раймонд IV Тулузский, правитель королевства Лангедок, привозит из Крестового похода некую статуэтку, изображающую Бафомета, но через пять лет графа настигает таинственная смерть в Монсегюре. Его сын Альфонс навсегда покидает родной Лангедок, отправляясь на Святую землю, где знакомится с Гуго де Пейном, первым магистром ордена тамплиеров. После чего тамплиеры начинают поклоняться Бафомету... Спустя столетие статуэтка попадает в руки правнука графа Тулузского, шевалье Клермона де Монсегюра, жизнь которого полна непредсказуемых поворотов, а смерть остается загадкой для потомков. Следующий владелец Бафомета, Огюст де Кавальон, тамплиер и личный секретарь магистра де Молэ, переправляет золото ордена в Шотландию и становится там прецептором замка Инвернесс, где сосредоточены духовные и магические знания Европы и Ближнего Востока. Здесь он и пытается разгадать загадку необъяснимых смертей своих предков, дабы избавить древний род Монсегюр-Кавальон от власти этого сатанинского существа в виде человека с козлиной головой.

ISBN 978-5-4444-8434-0

© Крючкова О. Е., 2016

© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Книга 1. Бафомет	6
Пролог	6
Глава 1	12
Глава 2	23
Глава 3	30
Глава 4	40
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Ольга Евгеньевна Крючкова

Демон Монсегюра

© Крючкова О.Е., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

Сайт издательства www.veche.ru

Книга 1. Бафомет

Nitimus in vetitum semper, cupimusque negata.

Мы всегда стремимся к запретному и желаем недозволенного.

Латинское изречение

Пролог

59 год от Рождества Христова.

Тропа виляла среди гор самым непредсказуемым образом, то уходила вниз, то взбиралась так круто вверх, что приходилось карабкаться на четвереньках. Отряд, постоянно рискуя сорваться в бездонную пропасть, медленно продвигался к намеченной цели.

Руфус шёл вслед за проводником, постоянно поминая Юпитера, Марса и прочих богов, обещая в случае благополучного возвращения принести им щедрые дары. Кроме того, его мысли произвольно обращались непосредственно к виновнику этой опасной экспедиции – командиру четырнадцатого легиона Цессию Лонту. На его голову Руфус обрушивал всевозможные проклятия.

Руфус оглянулся на спутников, устало бредущих по горной тропе, смирившись с тем, что любой из них может сорваться в бездонную пропасть.

– Великий Юпитер, ну где же этот проклятый храм?! – взмолился Руфус, теряющий силы от долгого перехода, продолжающегося вот уже трое суток.

Мулов, купленных в деревне на равнине, пришлось оставить почти сразу же, два дня назад под охраной двух человек. По такой тропе гружённому мулу не пройти, разве что горному барану, да и то с трудом. Спустя сутки пешего перехода Руфус ощущал себя почти этим животным, карабкаясь по тропе, опасаясь оступиться, сделай он хоть один неверный шаг. И вот неверный шаг был сделан – один из людей Руфуса сорвался в пропасть, и никто даже не успел протянуть ему руку помощи.

Руфус, понимая настроение отряда, проревел:

– Вперёд! Мы найдём храм, или я – не Руфус Плиний! Или вы забыли, какая награда ожидает вас в Риме?

Все прекрасно помнили о тысяче серебряных сестерциев¹, обещанных каждому, кто вернётся с находкой, ради которой, собственно, и был снаряжён поход. Люди зашевелились и начали медленно продвигаться вперёд. Все они – гвардейцы когорты претора², каждый участвовал во многих битвах и походах. Лорики-гаматы³ римлян скрывали многочисленные шрамы, которые могли бы красноречиво рассказать об их прошлом.

Итак, из отряда уцелели трое гвардейцев, не считая проводника. Руфус оглянулся и вперил взор в опытных ветеранов, которым был не ведом страх на поле боя. Но только не здесь...

Легионер в очередной раз помянул Цессия Лонта недобрый словом: «Сидит небось в тенистой галерее своего дома на берегу Тибра и пьёт виноградное вино! Чтоб тебе захлебнуться!!!» Руфус облилиз иссохшие от волнения и напряжения губы, откупорил флягу и глотнул немного воды. Кто знает, сколько ещё идти, ведь карта Цессия весьма не точна!

¹ Сестерций – серебряная римская монета.

² Когорта претора – гвардейцы полководца, отборные воины, иногда опытные ветераны.

³ Лорика-гамата – римская кольчуга.

«Если бы не две тысячи сестерциев (именно эта сумма была обещана Руфусу как предводителю отряда), никогда бы не отправился в этот забытый Юпитером край! – подумал он, медленно ступая вперёд по горной тропе и пытаясь отвлечься от гнетущих мыслей. – Неужели Цессий не знал, что именно представляет собой эта магическая вещица? Да и есть ли она на самом деле? А карта, которой он меня снабдил, – лишь рисунок, каракули. Разве можно им верить?..»

Руфус вспоминал, как он лично, набирал отряд из шести человек, вызывая недовольство центуриона Флавия, но против приказа Цессия не пойдёшь! И вот они, соблазвившиеся обещанными сестерциями, здесь – ползут теперь по горам неизвестно куда! А главное, неизвестно зачем...

* * *

Четыре месяца назад легат Цессий Лонт вызвал Руфуса к себе. Легат доверял Руфусу, они воевали вместе ещё со времён, когда Цессий был центурионом. Но по воле судьбы, а может, по воле богов, Руфус спас жизнь своему центуриону, и тот проникся к молодому воину доверием и благодарностью. С этого момента удача начала сопутствовать молодому легионеру.

Поэтому у Цессия не было другой кандидатуры, кроме Руфуса, для выполнения столь опасной и тайной миссии. Когда легионер явился к Цессию, тот вёл оживлённую беседу с неким седовласым старцем. Руфус узнал его, это был сенатор Марк Сегноций. При появлении легионера собеседники замолчали. Сегноций смотрел на Руфуса изучающе, словно пытаясь проникнуть в его самые сокровенные мысли. Затем сенатор одобрительно кивнул Лонту, и тот широким жестом пригласил Руфуса возлечь на подушки у небольшого стола, накрытого всевозможными яствами, и присоединиться к дружеской трапезе.

После обильных возлияний и приятной беседы Цессий наконец поведал Руфусу, ради чего пригласил его. Из длинного туманного рассказа Руфус понял только одно: сенатор располагает некой древней картой, на которой обозначен путь к высокогорному храму, посвящённому божеству Бафомету*⁴. Монахи храма поклонялись статуе божества, в которую временами вселялся первородный дух Бафомета. Задача перед Руфусом стояла предельно ясная и на первый взгляд простая – завладеть статуей и доставить её в Рим. Что собой представляла статуя, зачем она понадобилась сенатору и легату, сказано не было, да и Руфус как старый солдат привык не задавать лишних вопросов.

* * *

Наконец на четвёртый день блужданий по горным тропам перед взором Руфуса открылась ровная площадка, на которой возвышался каменный храм, возведённый руками монахов много веков назад. Перед его входом стояла огромная каменная статуя, изображающая четырёхрукое божество, вероятно, Бафомета.

Руфус достал карту, сверяясь с рисунком: место вроде бы совпадало – вот нарисован четырёхрукий маленький человечек. «Похоже, мы достигли нужного места!» – легионер оглянулся, намереваясь уточнить некоторые детали с проводником, но того и след простыл.

Руфус недоумевал: проводник только что стоял здесь. Куда он мог деться?

⁴ Значение слов, отмеченных звездочкой (*), см. в «Толковом словаре».

Легионер приказал своим людям спрятаться за камнями и затаиться. Сам же Руфус занял выгодную позицию для наблюдения за храмом. Предстояло решить непростую задачу: как с малым числом воинов захватить храм? – надо было правильно рассчитать свои силы.

Легионер отчётливо видел вход в храм, несмотря на то что солнце светило сбоку. Он, как и гвардейцы, устал и мечтал об отдыхе, силой воли подавляя желание расположиться тут же на камнях и заснуть. Монахи входили и выходили из храма. Руфусу они показались все на одно лицо из-за однообразных оранжевых одежд и бритых голов. Наконец к вечеру легионер научился различать монахов и определил их приблизительное число.

Смеркалось... Солнце, отправлялось на покой, лениво лаская снежные вершины, последними лучами, когда Руфус пришёл к выводу: в храме находится шесть-семь монахов.

Гвардейцы были измотаны длительным переходом по горным тропам, и кратковременный дневной отдых не восстановил их силы. Но они помнили о том, что в Риме их ждёт награда, и немалая, каждый должен получить по тысяче сестерциев.

...Отряд ворвался в храм, монахи, облачённые в яркие оранжевые одежды, сидя на полу и взявшись за руки, предавались медитации. Они даже не успели выйти из трансa, когда отточенные гладиусы⁵ римских воинов обезглавили их. Бойня закончилась мгновенно: посреди храма лежали шесть обезглавленных тел. Руфус перевёл дух, вытерев меч об одежду одной из жертв. В тот момент ему показалось, что цель достигнута и всё закончилось. Но как жестоко он ошибался!

Руфус осмотрелся. Вот она, вожденная статуя Бафомета! Она стояла на каменном постаменте, окружённая зажженными свечами, образующими магическую пентаграмму. Рубиновые глаза Бафомета таинственно поблескивали. Руфус прошёл внутрь магического круга и обеими руками схватил статую. Она оказалась достаточно лёгкой и скорее напоминала статуэтку размером в три пяди⁶. Легионер снял походную кожаную сумку и затолкал в неё фигурку божка.

Руфус приказал обыскать весь храм: никто из монахов не должен остаться в живых! Гвардейцы, изнемогая от усталости, выполнили приказ своего командира. Они были измотаны до предела и мечтали только об одном: упасть и заснуть.

– Отдыхать до рассвета! – приказал Руфус и затем добавил: – Завтра в обратный путь! На горных тропах не безопасно, придётся быть предельно осторожными, ибо рассчитывать нам не на кого – проводник сбежал.

Но известие о бегстве проводника не произвело впечатления на гвардейцев. Они закрыли деревянные ворота на мощную задвижку и расположились на ночлег рядом с обезглавленными трупами.

Руфус заснул, ему снился Бафомет. Он двигал своими многочисленными руками, словно паук, в каждой из них был зажат меч, лицо его отливало синевою, кроваво-красные рубиновые глаза зловеще блестели, рот издавал леденящие душу звуки.

Неожиданно Руфус проснулся. Он сел и огляделся. То, что предстало перед его взором, было ошеломляющим – римские воины из когорты самого Цессия Лонта лежали обезглавленными рядом с монахами. Руфус обомлел от ужаса, его, бесстрашного воина, сражающегося вот уже десять лет, охватил животный страх.

Неожиданно ворота храма закрипели и открылись сами по себе, ибо сделать это было просто некому. Руфус в ужасе схватил походную сумку и, закинув её за спину, поспешно покинул зловещее место.

...Над горами занялся бледно-розовый рассвет. Руфус, обезумев от страха, уже не опасаясь оступиться и сорваться в пропасть, бежал что есть сил, полз, карабкаясь по горным

⁵ Гладиус – римский короткий меч.

⁶ Пядь – средневековая мера длины. Расстояние от большого до указательного пальца руки навтытяжку.

тропам. Он ел прямо на ходу, извлекая из походной сумки оставшиеся куски вяленого мяса, и запивал водой из кожаной фляги, запасы которой спешно пополнял пару раз в горных источниках. Воина не покидало чувство, что его преследует некто, и этот некто – дух самого Бафомета. Руфус сознавал, что против духа он бессилен и, если тот захочет, то шутки ради сбросит его в пропасть. Но Бафомет приготовил легионеру другую участь...

* * *

Наконец Руфус достиг предгорья, там, где, по его расчётам, были оставлены мулы под присмотром двух легионеров и проводников. Странно, но ни проводников, ни легионеров в условленном месте не оказалось. Руфус решил, что ему некогда задумываться над подобными мелочами, быстро спустился в долину: до ближайшего населённого пункта было примерно пять лиг⁷, не меньше. Он как натренированный солдат, прошедший последние десять лет в бесконечных походах, преодолел это расстояние к полудню. Миновав маленькое селение Эрбиль и пополнив флягу водой, Руфус продолжил путь.

Руфус, измученный и голодный, достиг к вечеру Мосула, что на реке Тигр. Увидев реку, он ринулся к ней из последних сил и, не снимая лорики-гаматы, калиг и балтеуса⁸ с мечом, с наслаждением погрузился в живительную влагу. Тело, омытое прохладной водой, ибо Тигр берёт начало в здешних горах, испытало блаженство – чувство, забытое легионером в течение трёх месяцев, с тех пор как он покинул благодатный Рим и пробирался по чужим, неизведанным землям в поисках храма.

Неожиданно Руфуса схватили за ноги и резко потащили ко дну. Легионер, захлёбываясь, брыкался, пытаясь отшвырнуть противника, подкравшегося столь коварным образом. Наконец его взор затуманился, лёгкие заполнились водой...

* * *

Руфус очнулся. Перед ним стоял Бафомет, скрестив на груди нижнюю пару паукообразных рук. Он хищно улыбался, глаза переливались различными оттенками красного цвета.

– Ты в моей власти, смертный! И я могу делать с тобой всё, что пожелаю! – надменно произнёс Бафомет.

Руфусу не приходилось воочию разговаривать с богами, но он не растерялся:

– Кто ты такой, чтобы угрожать мне?! Я нахожусь под покровительством Юпитера! Ты ничего не значишь в моей жизни!

– Неужели! А кто утопил тебя? Ты же мёртв!

– Как я могу быть мёртв, если говорю с тобой?

– Очень просто, ты в Nirване. И могу сделать с твоим духом всё, что пожелаю! Что ты вообще знаешь о богах, несчастный смертный! Твои боги скоро падут, останется лишь воспоминание о них. Я же буду всегда, пока существует мир!!!

– Неужели? – с сарказмом заметил Руфус. – И кто же ты такой?

– Я, Бафомет, властитель соблазнов. Если захочешь, я могу сделать тебя необыкновенно богатым! Тем более, что ты освободил меня...

– Освободил? – удивился легионер. – А разве в высокогорном храме монахи не поклонялись тебе?

Бафомет громко рассмеялся.

⁷ Римская лига – примерно 4 км.

⁸ Калиги – римские сандалии легионеров. Балтеус – перевязь для меча.

– Как ты глуп, смертный! Монахи держали меня в заточении при помощи древней магии. Теперь же я свободен! И это благодаря тебе...

Внезапно Руфус вспомнил обезглавленных гвардейцев.

– Зачем ты убил моих людей?

Глаза Бафомета окрасились в алый цвет. Легионеру показалось: ещё мгновение – и из них начнёт сочиться кровь.

– Они нам не нужны... – ответил Бафомет. – Я награжу тебя одного.

– И как же?... – осторожно поинтересовался Руфус, опасаясь подвоха.

– Очень просто: в твоей походной сумке лежит статуэтка. Наполни своей кровью чашу, которую та держит в руке, а затем призови меня и попроси что пожелаешь!

– Хорошо, я готов!

Спустя мгновенье Руфус сидел на берегу Тигра. Солнце, стоявшее в зените, палило нещадно. Легионер встал и направился прочь от реки. Но, сделав несколько шагов, услышал голос:

– Помни, тебе лишь надо наполнить чашу кровью!

Руфус извлёк статуэтку из сумки, затем – гладиус из перевязи и рассёк руку его острым лезвием. Кровь наполняла чашу...

– Я желаю золота! Много золота! Бафомет, я призываю тебя!

Кровь в чаше забурлила и испарилась...

* * *

Через два дня пути Руфус, ведомый Бафометом, достиг местечка Таль-Афар. Это была невзрачная деревенька, состоявшая из десяти глинобитных домов.

Бафомет, паривший в воздухе, изрёк:

– Мы достигли цели! Здесь!

– В этом захолустье – несметные сокровища?! – удивился Руфус.

– Да, недалеко есть забытый оазис с развалинами древнего дворца, он помнит времена династии Селевкидов⁹. Следуй за мной!

Спустя некоторое время Руфус достиг оазиса. Он наполнил флягу из едва заметного источника, рядом валялся брошенный кем-то старинный глиняный кувшин.

– Наполни кувшин водой, он ещё понадобится тебе! – посоветовал Бафомет.

Руфус послушно погрузил в изрядно обмелевший источник кувшин, наполняя его живительной влагой.

Бафомет углубился в развалины дворца и завис в центре ровного участка, напоминающего внутренний двор.

– Здесь, подо мной, тайный ход в сокровищницу династии Селевкидов! – Бафомет протянул к Руфусу свои паучьи руки. – Иди – и ты будешь богат!

– Как я смогу проверить, не обманываешь ли ты меня? – усомнился Руфус. – Почему я должен верить тебе, бог соблазна?!

– У тебя нет другого выбора: либо веришь, либо нет.

Руфус достал меч из ножен и энергично начал снимать землю слой за слоем. И вот его гладиус упёрся во что-то твёрдое, это была круглая плита, закрывавшая ход. Очистив плиту, Руфус различил на ней изображения растений и животных, в центре виднелось углубление, похожее на чашу.

Поднатужившись, он сдвинул каменную плиту с места, перед ним открылся подземный ход, из которого пахло плесенью и сыростью.

⁹ Селевкиды – могущественная династия правителей Востока, правившая до Рождества Христова

Легионер спустился в узкий проход по каменной лестнице, прихватил с собой торчавший из стены смоляной факел и, достав из походной сумки два кремния, высек искру и поджёг его.

Перед взором Руфуса открылась древняя сокровищница. На полу стояли открытые сундуки, наполненные золотом, серебром, украшениями, дорогими чашами и кубками. Легионер подошёл к одному из сундуков и зачерпнул горсть золотых монет, затем перешёл к следующему, удивляясь, что драгоценные украшения совершенно не тронуты временем.

Руфус набил походную сумку золотом, украшения брать не стал. «В Рим не вернусь! На свете так много интересных мест, в конце концов, не все они принадлежат империи!» – решил он.

Затем он направился к каменной лестнице и осветил факелом то место, где, по его разумению, должен находиться ход, ведущий наружу. Но над его головой царил полный мрак. Ничего не говорило о том, что некоторое время назад здесь был лаз, через который проникали лучи солнца.

Бафомет сдержал обещание: Руфус получил несметное богатство, наверняка ему хватит до конца жизни. Если принять во внимание, что жизни осталось ему на две pintы воды во фляге да ещё немного – в старом глиняном кувшине!

* * *

Почти тысячу лет спустя караван из семи верблюдов приближался к развалинам дворца Селевкидов. Местные жители местечка Таль-Афар были так же бедны, как и тысячу лет назад, в их жизни мало что изменилось. Камни, некогда составляющие развалины дворца, они перетаскали в селение, соорудив из них хозяйственные постройки.

Мужчина в белых одеждах, слез с верблюда, послушно опустившегося на колени. Его примеру последовали спутники, прибывшие с ним. Человек, возглавлявший караван, прошёл по развалинам, вернулся к своему верблюду, вытащил из вьючного мешка свиток пергамента и, развернув, быстро пробежал по нему глазами, а затем изрёк на арабском:

– Здесь! Все верно! Приступим!

...Взорам искателей сокровищ предстал зал, уставленный открытыми сундуками. Люди бросились к ним в надежде увидеть то, ради чего они проделали столь долгий и утомительный путь, но, увы, их постигло разочарование – сундуки были пусты!

Один из искателей сокровищ заметил скелет мужчины. На его останках хорошо сохранилась римская лорика-гамата, кожаные калуги, почти не пострадавшие от времени, костлявые пальцы всё ещё сжимали меч, рядом валялась фляга, осколки разбитого глиняного кувшина и полуистлевшая походная сумка. Из неё торчала голова статуэтки с красными рубиновыми глазами.

Глава 1

*1101 год, Пафлагония**

Раймонд IV Тулузский* стоял рядом с походным шатром в окружении свиты и наблюдал за озером Туз, появившимся на горизонте. Раскаленное солнце опалило его лицо, губы растрескались, в горле пересохло, нательная власяница взмокла от пота и прилипла к телу.

Вот уже две недели сарацины* шли по пятам за крестоносцами, совершая постоянные набеги: силы рыцарей таяли на глазах. Их путь был усеян трупами павших лошадей. Крестоносцы пускали кровь умирающим животным, дабы напиться, жажда доводила их до безумия. Далее они продолжали поход пешими.

Раймонд IV недоумевал: «Отчего визирь Чикмей не переходит к открытому бою, ведь сил у него более чем достаточно, а предпочитает довольствоваться мелкими стычками? – Но не находил ответа. – Вот оно, долгожданное озеро – теперь можно будет пополнить запасы воды. Длительно отдохнуть, увы, не удастся...»

Менее чем через час перехода крестоносцы достигли озера Туз. Обессилившие воины, не первый день страдавшие от жажды, голода и нестерпимой жары, спешили и бросились к воде.

И о ужас! Первые из них, омывшие лицо и сделавшие по глотку спасительной жидкости, поняли: вода не пригодна для питья – она солёная!

«Так вот почему визирь гнал нас именно в этом направлении, – догадался Раймонд IV. – Он не желал тратить лишних сил, зная, что все мы и так умрём от жажды».

Раймонд, собрав последние силы, произнёс:

– Братья мои! Визирь Чикмей уверен – все мы умрём на берегу озера от отчаянья и жажды! Соберите последние силы, призовите на помощь Господа, ибо не допустит он гибели крестоносцев – с нами святыни: копьё, найденное в Антиохии*, и рука святого Амвросия. Впереди Аскарай, славящийся своими богатствами и роскошью. Чикмей и предположить не может, что мы сразу же двинемся в путь. Да поможет нам Бог! Вперёд на Аскарай!

Измощённые рыцари, почти потерявшие веру в Бога, уже готовые к смерти в иссушённых степях Пафлагонии, двинулись на Аскарай.

* * *

Лазутчики сообщили визирю, что крестоносцы внезапно исчезли: куда делись – неизвестно.

Визирь возлежал на подушках в походном шатре, дарующих живительную прохладу.

– Глупцы! Что значит: неизвестно?! – Чикмей в гневе вскочил с удобного ложа. – Что, несколько тысяч крестоносцев испарились, не оставив следов, словно вода в знойный день? Прикажу всем отрубить головы!

Один из советников визиря упал на колени и смиренно произнёс, как и подобает верному слуге:

– О, мудрейший из мудрых! Позвольте сказать мне, недостойному вашего внимания!

Чикмей прошёлся по шатру и, безразлично взглянув на своего советника, стоявшего на коленях, приказал:

– Говори! И как можно короче!

– Мы – ваши покорные слуги и нашего владыки султана Ахмада! И в вашей власти казнить нас или миловать!

– Я же приказал – короче! – терял терпение Чикмей.

– Думаю, что крестоносцы двинулись дальше на Аскарай, о мудрейший! А ведь всем известно, что город богат и славится драгоценными камнями на всю Пафлагонию. Но, увы, он плохо укреплен. Для крестоносцев не составит труда захватить город.

– Я прикажу вас всех казнить, если таковое случится! Горе-советники – пустое место, недостойное внимания! – снова закипел визирь.

Но хитрый вельможа продолжил:

– Всё в вашей власти, мудрейший! Пусть неверные возьмут Аскарай. Пусть ощутят вкус победы, хотя бы ненадолго. И вот тогда...

– Мы захлопнем ловушку! – завершил мысль визирь, довольный собой.

* * *

Остатки армии крестоносцев стояли у стен Аскарая. Раймонд IV опытным взором окинул стены города, тотчас подметив все недостатки обороны. В лучшие времена штурм города закончился бы в считанные часы, но, увы, не сейчас, ибо крестоносцы истощены и измотаны длительным переходом.

Желая избежать лишних жертв, граф Тулузский призвал отцов города на переговоры. И, когда те предстали перед его очами, сказал:

– Я – граф Раймонд IV Тулузский – предводитель армии крестоносцев, предлагаю городу сдаться. В обмен на покорность обещаю сохранить жизни его жителям. В противном же случае всех ожидает смерть.

Достопочтенные мужи Аскарая, посоветовавшись, пришли к выводу, что лучше жизнь, чем смерть: в конце концов, сокровища Аскарая столь велики, что можно откупиться от врагов, а там и подоспеет мудрейший визирь Чикмей со своими славными воинами. Главное – выиграть время!

Вскоре ворота города отворились, и глава Аскарая собственноручно передал ключи графу Раймонду.

Граф был доволен, наконец-то он получил долгожданную добычу после полугода сплошных неудач – ведь потеряна почти половина войска.

* * *

Граф Раймонд расположился в самом богатом доме Аскарая, наслаждаясь давно забытым комфортом.

Возлежа на мягких шелковых подушках, по обычаю Пафлагонии, он принимал подношения поверженного города. Граф с удовольствием созерцал прекрасные ювелирные изделия, прославившие Аскарай на весь Восток.

– Ваше сиятельство, к вам пришёл странный человек и просит нижайше принять его. Если бы мы сейчас пребывали в Лангедоке, то я подумал бы, что он маг, – доложил Раймонду сенешаль*.

– Что ж, пусть войдёт! Я не верю магам, но посмотреть на незнакомца весьма любопытно.

Перед Раймондом предстал человек, одетый в балахон, на его голову был накинут капюшон, так что окружающие графа воины были лишены возможности разглядеть лицо незнакомца. Отчего-то Раймонда вовсе не удивил его внешний вид, а напротив, граф ощутил непреодолимый интерес к этому человеку.

Речь незнакомца лилась плавно и медленно, завораживая слушателей.

– Сиятельный граф Раймонд, – промолвил он. – Я хочу преподнести вам драгоценную вещь в знак признательности, ибо вы исполнили своё обещание и сохранили жизнь жителям

города. Много лет назад я путешествовал по странам Востока, повидал различные чудеса, в том числе встречались мне и необъяснимые вещи. В одном из городов Сирии я приобрёл вот эту редкость, – он извлёк свёрток из-под чёрного плаща и развернул его.

Взорам Раймонда и его свиты предстала статуэтка старинной работы.

– Посмотрите на неё, разве она не прекрасна? – продолжил незнакомец.

– Интересная восточная вещица, – согласился граф.

– Это не просто статуэтка, сиятельный господин. Это Бафомет... Согласно древнему преданию он был сыном красавицы Наины, которая соблазнила Энлиля, верховного бога земли, плодородия и воздуха. Бафомет вырос коварным, жестоким и порочным. В наказание боги превратили его в маленькую статуэтку. Но бог Энлиль пожалел сына и оставил ему часть магической силы. Я слышал, что Бафомет может исполнять желания хозяина, правда, за это придётся заплатить слишком высокую цену, – произнёс незнакомец и поклонился.

Четырёхрукий Бафомет держал небольшую табличку, испещренную таинственными значками, его рубиновые глаза завораживающе блестели.

– На пергаменте, привязанном к руке божка, перевод магического заклинания, изображённого на табличке, – продолжил незнакомец и протянул статуэтку сенешалю, который передал её графу Тулузскому.

– Божок! – с интересом произнёс Раймонд, внимательно рассматривая необычную четырёхрукую статуэтку. В последнем крестовом походе вера его в Господа пошатнулась, как и многие крестоносцы, выходцы с Лангедока, он перенял учение катаров, но всё же не был готов уверовать в некоего восточного божка. – Рубиновые глаза статуэтки, пожалуй, потянут пистолей на триста-четыреста. Отнесите её в мою сокровищницу, – приказал Раймонд Тулузский.

Пока Граф Тулузский и его свита разглядывали статуэтку, загадочный гость исчез.

* * *

1204 год, Лангедок, резиденция Тулузов – замок Монсегиор*

Шевалье* Клермону де Монсегиор исполнилось пятнадцать лет. Жизнь в замке Монсегиор, одной из резиденций графа Раймонда VI Тулузского, была однообразной и единственным развлечением для юноши с пытливым умом, а Клермон, несомненно, таковым и являлся, было чтение. Он перечитал все фолианты, принадлежавшие старшему брату. Но граф Раймонд VI Тулузский не был поклонником литературы и философии и держал лишь небольшую библиотеку, как того требовали его статус и происхождение.

С раннего детства Клермон слушал рассказы старшего брата Раймонда VI и его жены Беатриссы о своём славном предке Раймонде IV, участнике Первого крестового похода. Юноша прекрасно знал, что сундуки прадеда хранятся в чердачном помещении замка. И вот в один из холодных февральских дней, когда в библиотеке Раймонда VI не осталось ни единой непрочитанной им книги, Клермон решил подняться на чердак, дабы разобраться в сундуках легендарного предка: вдруг в них есть что-нибудь интересное, например, старинные фолианты или походные записки?

Поднявшись по узкой винтовой лестнице, Клермон сразу же заметил сундуки, покрытые толстым слоем пыли, и немедленно принялся их обследовать. И его любопытство было вознаграждено с лихвой: в одном из них он обнаружил военный дневник и фолианты, не нашедшие своего места в библиотеке замка.

Внимание Клермона, конечно же, привлёк дневник. Выглядел он старым и потрёпанным, его обложка из телячьей кожи затёрлась, тонкий дорогой пергамент высох, а сам рукописный текст выцвел, так что витиеватые буквы были едва различимы. Клермон попытался

вчитаться, и записи так увлекли его, что юноша, не отрываясь от повествования, спустился в свою комнату, где с увлечением прочёл о событиях Первого крестового похода.

Из дневника графа Раймонда IV Тулузского, участника Первого крестового похода, сюзерена королевства Лангедок

6597 года¹⁰ от Сотворения мира, месяца марта, третьего дня

Призыв Римского Папы Урбана II к борьбе за освобождение Гроба Господня из рук сарацинов был встречен в Лангедоке рыцарями поистине с великим воодушевлением и готовностью тотчас же выступить в поход. Началась подготовка к походу, каждый жаждал не только увидеть Гроб Господень и поклониться ему, но и поправить своё материальное положение. Чего уж греха таить! Рыцарей в королевстве немало, каждый из них мечтает о военной славе и богатстве. Возможность, предоставленная призывом Папы Урбана, всколыхнула в наших душах не только религиозный пыл, но и откровенную жажду власти и наживы. Ведь, как известно, сарацины владеют богатствами легендарного Иерусалима, и такое обстоятельство не может не будоражить воображение славных воинов, пребывающих порой в униженной нужде. Некоторым из них не на что экипироваться, они довольствуются старыми ржавыми латами, доставшимися по наследству, а мечи их порой сомнительны как оружие, на них столько зазубрин, что оно более напоминает тёрку для овощей, которыми питаются сервы¹¹, нежели предмет для праведного боя с сарацинами.

Я как сюзерен королевства Лангедок мечтаю не только о славе освободителя Иерусалима, что вполне естественно для человека моего положения, но и о собственном королевстве на Святой земле. Возможно, эта перспектива весьма призрачна и дерзка на первый взгляд. Но не будь я потомком славного Фульгуальда¹² и Раймонда I Сан-Жиль де Монсегюр, если я не добьюсь того, что задумал!

Месяца марта, одиннадцатого дня

Войска славного Лангедока, насчитывающие пять тысяч рыцарей, присоединились к воинам Боэмунда Тарентского в окрестностях бургундского Лиона. Да, конечно, граф Тарентский честолюбив и связывает с походом огромные надежды. Мне стало известно, что он продал почти всё своё имущество, чтобы снарядить войско, превосходящее моё по численности, как ни прискорбно признать. Рыцари графа Тарентского экипированы отлично, особенно в сравнении с рыцарями скуповатого графа Клермонского, а уж про моего племянника, графа Барселонского, и говорить нечего, его люди будут сражаться на одном энтузиазме, поддерживать который, несомненно, будет вера во Всевышнего. Но помимо веры в Господа нашего неплохо бы иметь достойные мечи и доспехи, смею предположить, что сарацины, отличающиеся крайней жестокостью и воинственностью, добровольно не расстанутся с христианскими реликвиями. Сарацины не видят духовной ценности сих реликвий и не могут оценить их по достоинству в силу своей веры, для них привлекательны лишь серебро, золото и драгоценные камни. Поэтому долг каждого истинного католика – освободить Святые места от засилья людей чуждой нам веры и восстановить порядок и спокойствие в сих землях.

¹⁰ 6597 год соответствует 1097 году по современному летоисчислению (то есть к современной дате прибавлялось 5500 лет). В XI веке в Европе пользовались летоисчислением, берущим начало от божественного Сотворения мира, к современному летоисчислению пришли на соборе в Лозанне в 1449 году.

¹¹ Сервы – крестьяне, прикрепленные к земле.

¹² Фульгуальд – чиновник, живший примерно в IX веке в Лангедоке, от него вели свой род графы Тулузские.

Месяца апреля, восемнадцатого дня

Лагерь под Лионом разрастается с каждым днём всё более. Окрестности превращаются в сплошное живое море людей из блестящих лат, куршэ*, кольчуг и котэ-макле*. У всех имеется отличительный знак похода – крест на одежде или плаще. Вооружение этого моря, не иначе как живого, различно: от примитивных луков и флэ-дармес, фрамей, изготовленных в незапамятные времена, до алебард, фальшионов¹³, входящих в экипировку рыцарей из северных земель Реймса. Да, эта волна захлестнёт сарацинов, нет сомнений! Вера в победу сильна, она вдохновляет!

Священники и епископы Апский и Оранжевый, прибывшие в лагерь, дабы поддержать воодушевление рыцарей и укрепить их словом Божьим, подвержены столь высокому религиозному порыву, что он передаётся всем окружающим, ещё более укрепляя веру в правое дело.

Наконец прибыли граф Гуссье Латурский и барон Беарнский с семью тысячами воинов. Завтра выступаем в Италию, далее – в королевства Хорватия и Сербия. Да будет так!!!

Месяца июня, двадцать второго дня

После двух месяцев продвижения по Италии, Сербии и Хорватии мы достигли наконец крепости Шкодер, расположенной на границе Сербии и Византии.

Людям требовался отдых, несмотря на наш религиозный порыв, мы валимся с ног от непрерывного, почти трёхдневного, перехода. Лошади изнурены, люди тоже.

В Шкодер двумя днями раньше прибыли рыцари из Неаполя, Барии и Бринзиди. После отдыха, который займёт пару дней, не более, мы двинемся в Фессалонику, далее в Константинополь.

Месяца августа, четырнадцатого дня

Константинополь прекрасен! Нет города красивее! Ничто не может сравниться с собором Святой Софии, поражая воображение простого смертного! Храмы моей родной Тулузы, взять хотя бы Сен-Сернен или Монферан, они, безусловно, великолепны, но в то же время слишком обыденны. Возможно, я привык к их виду и убранству, посещая столь часто. Но одно я знаю верно – после посещения Софийского собора вера в нашего Господа только крепнет. Несмотря на некоторые разногласия священных обрядов византийской и римских церквей, нельзя не признать величие и красоту Софийского собора. Красота и размах, с которым сооружён собор, его убранство, святые лики на иконостасе приводят в священный трепет. И этот трепет напоминает о нашей миссии.

Месяца августа, девятнадцатого дня

Мои переговоры с константинопольским императором Алексием увенчались успехом. Я как предводитель войска крестоносцев достиг всех необходимых договорённостей. В обмен на присягу верности императору и обещание части военной добычи за оказанную поддержку я получил провиант и корабли. К сожалению, не все поняли мой тактический ход с принесением присяги. Германские рыцари, присоединившиеся к моему войску уже здесь, в Константинополе, не пожелали её принести. Бог им судья! Начинать поход с внутренних разногласий опасно и опрометчиво. Поэтому присягу верности принесли все французские и итальянские феодалы, что вполне достаточно для единства нашего святого дела.

Германцы держатся особняком, признают только своего князя, не прислушиваясь к моим разумным словам. Весьма напрасно! Их германское тщеславие и непомерные, ничем

¹³ Флэ-дармес – боевой бич с деревянным яйцом в металлической оковке на конце. Фрамея – копьё с широким наконечником. Фальшион – специальный топор, способный разрубить кольчугу.

не подтвержденные амбиции невыносимы! Но мы свершаем единое дело, где нет место личной неприязни. Я умиряю свой гнев, ведь я прекрасно знаю, что германцы – бесстрашные опытные воины, и это важнее всего. Их вера в Господа нашего сомнительна, похоже, что они не истинные христиане, а привержены некому ответвлению общепринятого учения. Но, несмотря на это обстоятельство, германцы вступили под знамёна крестоносцев, дабы сразиться за Гроб Господень.

6598 года от Сотворения мира, месяца июня, десятого дня

Писать ещё тяжело, рука едва держит перо после сразившей меня лихорадки. Войска крестоносцев под моим предводительством двинулись в глубь Сирии. Нестерпимая влажность и жаркий климат подвергли нас страшным испытаниям. Лихорадка косила ряды крестоносцев, как бубонная чума. К несчастью, отвратительная изматывающая болезнь сразила и меня. Я не прикасался к дневнику почти год. Сначала напряжённая осада Никеи, затем – её штурм не способствовали стройным записям мыслей. При штурме Никеи мы одержали победу, но какой ценой! Сарацины, бесстрашные воины, одержимые чуждой нам верой, бросались на воинов-крестоносцев подобно безумным. Они выкрикивали свои боевые кличи, страх им неизвестен!

Помимо рыцарей под предводительством своих сеньоров, на поиски богатства и удачи в Святую землю хлынули отряды крестьян-крестоносцев. Они примыкали к нам повсюду – и в Бургундии, и в Италии, и в Хорватии, и в Сербии. Если французские свободные крестьяне были вооружены, по крайней мере, луками, копьями или флэ-дармес, то сербы и хорваты – только луками, и то в лучшем случае. Их вооружение крайне примитивно – лишь одни дубинки.

Религиозное воодушевление и жажда наживы достигли своего апогея, крестьяне шли в поход, не имея ничего, кроме холщовой сумки с грубой пищей. Бой под Никеей* был страшен. Сарацины налетали полчищами, как пешими, так и конными. Их кривые мечи сносили головы беззащитных крестьян. Поле битвы было усеяно изуродованными трупами в холщёвых рубахах. На многих даже отсутствовали кожаные панцири, до такой степени они были бедны, надеясь на сказочное богатство в Святой земле.

После Никеи мы двинулись в Антиохию и осадили её. Осада продолжалась почти семь месяцев, пока в городе была вода и провиант. Мы перекрыли все подходы к городу. Климат здесь влажный, но может сопровождаться и сильными засухами. Подобная засуха случилась при осаде Антиохии. Сарацины умирали от жажды уже через полгода осады. Наконец мы вошли в Антиохию – перед нами предстал умирающий город. Колодцы были иссушены, люди погибали на наших глазах от боевых ран, голода и жажды. Так крестоносцы заняли изнурённую солнцем и осадой Антиохию.

Я дал обет, что не умру ни от ран, ни от болезней, пока не узрею Иерусалима и не припаду к подножию Гроба Господня.

Месяца сентября, шестнадцатого дня

Пишу урывками. Город осаждён султаном Мосулом, затем ему подошёл на помощь сам султан Кеборги, известный своей жестокостью и кровожадностью. Мы остались без провианта. Слава богу, жара несколько отступила. Колодцы на дне наполнились мутной водой. Её моментально вычерпывают и выпивают. У людей началась болезнь живота от нечистой воды, царящей повсюду грязи и ужасающей первобытной еды. Мы едим подобно дикарям. Если сарацины, бывшие обитатели Антиохии, съели всех крупных домашних животных, так что нам остались только собаки и крысы. Но и они вскоре иссякнут, поскольку крысам также надо чем-то питаться. Они попросту передохнут в своих норах.

Месяца сентября, двадцать третьего дня

Крестоносцы умирают каждый день примерно по сто человек. Ещё немного – и мы умрём все, если не случится чуда. Господи, молю тебя, ниспошли нам чудо! Помоги нам!

Пишу с трудом, к горлу подступает тошнота. Мы доведены до отчаянья. Раздолье лишь уцелевшим крысам, я был не прав, говоря, что они передохнут в норах от голода, они наслаждаются мясом умерших крестоносцев и плодятся с невероятной быстротой.

Вчера вечером рыцари графа Клермонского, их легко можно отличить по красно-жёлтым сюрко¹⁴, разделявали умерших собратьев, жарили их разрубленные тела на костре, подобно дичи на охоте, нанизанной на вертела, и запивали свою страшную трапезу мутной водой из колодцев.

Когда я попытался призвать их с уважением относиться к телам умерших, мой отряд из пяти человек окружили клермонцы, вооружённые фальшионами, сказав, что если мы хотим умереть, то это наше дело, но они собираются вернуться во Францию с богатством и славой, а не передохнуть здесь от голода. Самое ужасное в этой истории, что мои люди отнеслись с пониманием к варварским действиям клермонцев. По виду своих людей могу убеждённо сказать, что они были готовы примкнуть к их дикой трапезе. Мы ушли, клермонцы остались наслаждаться своим чудовищным ужином. Позже я узнал, что мои люди промышляют тем же. Ещё немного – и мы превратимся в животных, питающихся падалью!

Не знаю, сможет ли простить нас Господь за подобные деяния! В кого мы превратимся, если будем заниматься поеданием мертвечины?

Утешает лишь одно – богатая добыча, полученная в Никеи и здесь, в Антиохии. Но сможем ли мы ею воспользоваться?

Месяца сентября, двадцать седьмого дня

Запасы моего личного провианта закончились. Сегодня утром трапезничать было совершенно нечем. Когда Жульбер, мой верный оруженосец, принёс мутной воды из колодца, меня затошнило от одного её вида, и я отказался испить из чаши. К полудню меня начала мучить нестерпимая жажда, казалось, я готов выпить всё что угодно, даже мочу лошади. Но лошадей всех съели ещё две недели назад. На обед мне подали жаркое, у меня возник естественный вопрос: из чего оно приготовлено? Жульбер замялся, сказав, что об этом знает только повар Леон. Я склонен подозревать, что подали зажаренного герольда Кристиана, которого я не вижу вот уже несколько дней.

Я стоял перед выбором: либо гордо умереть от голода, не отведав жареной мертвечины, либо стать поедателем человеческой плоти. Мне горько признаться в своём малодушии, но жажда жизни во мне слишком велика, я выбрал второе. Прости меня, Господи! Смогу ли я искупить свой грех?!

Месяца октября, третьего дня

Вчера вечером ко мне пришёл священник Пётр-Варфоломей. Он рассказал, что видел чудесный сон. Будто апостол Андрей явился ему и поведал, где зарыто копьё, которым римлянин пронзил Господа на кресте. Вот оно – чудо! Господи, благодарю тебя! Ты услышал мои мольбы и ниспослал священнику провидение! Теперь мы спасены!

Пётр-Варфоломей вёл меня тёмными закоулками города, изрыгающими запах нечистот и разложения человеческой плоти. Следуя через рыночную площадь, я вновь видел костры, на вертела была нанизана зажаренная человеческая плоть. Крестоносцы вгрызались в неё с остервенением. Боже, я не перестаю ужасаться, до чего можно дойти! Но ведь и я дошёл до этого!

¹⁴ Сюрко – цветная одежда по типу туники, надевалась на латы или кольчугу, спереди отображался герб рыцаря.

Мы вошли в небольшую бедную церковь на окраине города. Петр-Варфоломей остановился и с уверенностью сказал:

– Здесь.

Он вооружился кинжалом и начал раскапывать земляной пол прямо за алтарём. Я ждал, обуруемый сомнением и нетерпением. Но вот священник изрёк:

– Оно здесь, я не ошибся. – Он припал к копьё губами.

Вот оно, провидение Господа!

Месяца октября, четвёртого дня

Весть о чудесном копьё облетела весь город. Петр-Варфоломей с гордостью показывал его крестоносцам. У дома, где разместился я со своей охраной и свитой, собралась толпа желающих узреть копьё. Священник поставил скамью, накрыл её последней холщовой скатертью и положил на неё реликвию. Крестоносцы входили в дом, падали ниц перед копьём и, оросив его слезами восторга, в приливе религиозного экстаза освобождали место для следующего вошедшего. Вера в победу окрепла. Боэмунд Тарентский*, герцоги Вильгельм Сабранский, Элизар Монтредорский, граф Клермонский и я приняли решение прорвать осаду противника на рассвете, когда сарацины менее всего ожидают нашего появления за стенами города, думая, что мы на последнем издыхании.

Месяца октября, седьмого дня

Сарацины бежали от стен Антиохии. Боэмунд Тарентский, возглавивший дерзкую вылазку крестоносцев, стал героем. Нормандцы решили провозгласить его правителем Антиохии. Меня они в расчёт не взяли! Я, к сожалению, слишком ослаблен перенесённой лихорадкой, дабы сражаться. Я не преминул напомнить нормандцам, что все города, взятые на Святой земле, согласно присяге принадлежат императору Константину. Они осмелили меня, сказав, что я хочу заполучить их руками княжество Антиохия и этому не бывать. Какая чёрная неблагодарность! Тогда я напомнил им про копьё, но нормандцы подняли меня на смех, сказав, что Пётр-Варфоломей сам зарыл копьё в церкви, и никакое оно не святое, а взятое у погибшего крестоносца. Какая клевета! Погоня за славой затмила их разум. А каков Боэмунд Тарентский, сиятельный граф! Конечно, ведь он продал всё своё имущество во Франции, другого выхода у него просто нет, как говорится – всё или ничего! Завтра утром я со своими верными вассалами покидаю Антиохию и направляюсь в Иерусалим.

* * *

Здесь записи Раймонда IV прерывались, некоторые страницы дневника были сильно повреждены и размыты водой. Клермон пытался вчитаться, но безуспешно и, пролистав повреждённые листы, продолжил увлекательное путешествие в прошлое.

Клермон так увлёкся чтением, что потерял счёт времени и давно опоздал к обеду. Его старший брат Раймонд VI слыл человеком обязательным и пунктуальным, ибо всякое нарушение установленных этикетом правил претило его натуре.

Выждав положенное время за обеденным столом, Раймонд понял, что младший брат, увы, к обеду не торопится, и по настоянию своей супруги отправил за ним слугу.

Слуга застал Клермона за чтением.

– Шевалье, смею напомнить вам, что подошло время обеда. Граф и графиня ожидают вас в трапезной зале... – напомнил он.

Клермон оторвал взор от дневника.

– Обед... – рассеянно промолвил он, всё ещё находясь под впечатлением записей, в которых подробным образом описывалось людоедство. – Мне что-то не хочется... Пере-

дайте сиятельному графу: я не голоден и приношу свои извинения за то, что не могу в надлежащее время явиться к столу.

Слуга поклонился и покинул комнату юного шевалье. Тот же снова углубился в чтение...

* * *

6599 года от Сотворения мира, месяца июня, седьмого дня

Вот он, город Иерусалим! Мы стоим под его величественными святыми стенами, с которых на нас взирают сарацины. Они считают, что город непреступен и может выдержать почти годичную осаду. Об этом сообщил нам пленный сарацин, взятый нами под Акрой* два месяца назад. Достаточно изнурительных осад, продолжающихся месяцами. Они изматывают крестоносцев, способствуют бездействию и расхолаживают.

Вчера прибыли три осадных орудия – требуше. Одна из генуэзских каракк¹⁵ пробилась через заслон кораблей сарацинов недалеко от Акры. Славные генуэзцы приняли бой, три каракки были потоплены сарацинами, но им тоже досталось.

Теперь, используя требуше, мы сломим сопротивление сарацин, дело времени. Перед началом боевых действий мы предпримем крестный ход вокруг стен города, без оружия, босиком с пением священных гимнов.

Да поможет нам Господь! Всё во славу его!

Месяца июня, шестнадцатого дня

Требуше сделали своё дело, пробив стены города. Оборона сарацинов захлебнулась. Они сражались за каждый дом, каждый колодец, словом, за каждую пядь Иерусалимской земли. Кровь текла рекой. Узкие улочки города до сих пор усеяны окровавленными изуродованными телами. Мои вассалы сражались, как львы. Добыча обещает быть богатой.

Жёны и дети сарацинов укрылись за стенами мечети Омара*. Но, применив по моему совету всё те же требуше, разрушив стену, крестоносцы под предводительством Болдуина Буйонского, младшего брата Готфрида, ворвались в их последний религиозный оплот. Я не принимал участия в побоище, но видел, как из мечети вытекала багряная река крови, и слышал, как раздавались душераздирающие крики женщин.

Мы свершили правое дело, освободив Иерусалим, священное место для каждого христианина, от сарацинов, осквернивших наши реликвии, построивших свои мечети на фундаментах христианских церквей и храмов.

Господь с нами!

Месяца июня, двадцатого дня

Сегодня утром на соборе, проходившем на центральной площади города, королём Иерусалима был избран Готфрид Буйонский*, герцог Нормандский. Оказывается, для этого вполне достаточно первому ворваться в город, дожидаться, когда стены рухнут под мощным обстрелом требуше, образуя проход в них, через который можно мечом проложить себе дорогу не только в Иерусалим, но и к его короне.

Все мои заслуги были несправедливо забыты. Братья Готфрида, Болдуин и Евстафий, столь рьяно ратовали за него, что иные феодалы, такие как Гуссье Латурский и Раймонд Лилльский поддержали их лишь по одной причине, лишь бы заткнуть рты моим людям и мне, пытающимся объяснить, что мои заслуги вовсе не менее заслуг светлейшего герцога.

¹⁵ Генуэзская каракка – трёхпалубное судно вместимостью примерно 1200 человек, рассчитано на длительное плавание.

Господи! Почему ты так несправедлив ко мне? Отчего всё – слава и богатство – достаются выскочкам? Отчего Ты отвернулся от меня? Разве я недостаточно молился, причащался или исповедовался епископу Оранжскому? Или все мои молитвы, исходящие от сердца, были напрасны?

Разве не я вдохновил крестоносцев на прорыв осады в Антиохии? А, если вспомнить ранее, благодаря кому крестоносцы получили корабли, провиант и поддержку Константинополя?

Всё забыто!!! Никому не нужна скрытая доблесть, нужны лишь громкие слова, размахивание мечами, обгагрёнными кровью. Тогда почему бы не сделать королём Иерусалима графа Вильгельма Сабранского? На мой взгляд, он более достоин, чем его светлость Готфрид Буйонский!

Мне же в утешение предложили крошечное графство Триполи. И ради этого я столько выстрадал, дабы владеть клочком земли! Я был вне себя от ярости и унижения. Не знаю, как бы я поступил, если бы не мой сын Бертран, который сопровождал меня на протяжении всего крестового похода и не раз отличался военной доблестью. Он настоял, чтобы я дал согласие на владение графством Триполи, а затем передал ему на законном основании как прямому наследнику. Я внял его просьбе.

На память приходят слова: «Paulum sepultrae distat inertiae celata virtus»¹⁶. Завтра утром я покину Иерусалим и направлюсь в Константинополь.

Из византийских записей Раймонда IV Тулузского

6600 год от Сотворения мира, месяца августа, второго дня

Жизнь в Константинополе не так уж и плоха. Особенно хороши женщины. Их лики, словно сошедшие со стен храмов, прекрасны и утончённы. Их волосы отливают чёрной ночью, будоража воображение мужчины. Их стройный стан под лёгкими одеждами вызывает желание. Но главная их прелесть в том, что они сговорчивы, ценят золото и украшения, которых у меня немало. Стало быть, я могу наслаждаться полноценной жизнью с местными красавицами.

Мой новый знакомый, Евгений, византийский вельможа, человек богатый и словоохотливый, большой любитель приключений. Не далее как вчера мы отправились в некое злочное место на окраине Константинополя, где, по словам Евгения, танцовщицы чудо как хороши.

Что ж, доверившись своему новому спутнику, я в окружении небольшой свиты отправился на поиски приключений. Как только мы зашли в это сомнительное место, Евгений тут же не замедлил увлечься одной из красавиц, сидевшей на подушках и кутившей кальян. Он удалился, а я, предоставленный сам себе и своим печальным мыслям о несправедливом прошлом, нехотя реагировал на царящее веселье, предпочёл присесть в отдалении на раскиданные атласные подушки.

Неожиданно ко мне подседа гадалка, предлагая предсказать судьбу. Я рассмеялся, ибо никогда не верил предсказаниям, придерживаясь мнения, что судьба даётся каждому свыше, и никто, кроме Бога, не в силах изменить её.

В руках гадалки появились кости, напоминающие игральные. Она положила их в серебряный кубок, встряхнула им и выбросила кости на стол. Лицо её выражало задумчивость, женщина странно посмотрела на меня, сказав, что я даже не предполагаю, какой магической силой буду владеть в ближайшее время.

Я рассмеялся в ответ: ведь единственная сила, в которую я верую, не смотря ни на что, даже на предпочтение катарского вероучения, это сила Всевышнего.

¹⁶ Скрытая доблесть мало чем отличается от могильной бездеятельности (*лат.*).

Из пафлагонских записей Раймонда IV Тулузского

6601 год от Сотворения мира, месяца июня, десятого дня

Войска крестоносцев заняли Аскарай. Теперь у меня появилось время хоть что-то наспех черкнуть в дневнике, ведь я не прикасался к нему почти три месяца.

Я наслаждаюсь богатством и роскошью трофеев. Наконец-то я сказочно богат. А, как известно, власть есть продолжение богатства. Сейчас у меня в избытке того и другого. Я не планирую долго задерживаться в Аскарае, хотя мы ловко оторвались от визиря Чикмея, всё же он рано или поздно догадается, куда двинулись крестоносцы. Но мы готовы дать ему достойный отпор, несмотря на то что рыцарей осталось почти в два раза меньше, чем в начале похода, многие умерли, не выдержав тягот здешнего климата, либо погибли в постоянных стычках с сарацинами.

Вчера мне преподнесли любопытную вещицу – статуэтку старинной восточной работы. Меня посетил некий незнакомец, желавший отблагодарить за сохранённые жизни жителей Аскарая.

Незнакомец поведал мне, что статуэтка – четырёхрукий бог Бафомет, обладающий магической силой и исполняющий желания хозяина.

Я не принял всерьёз этого божка, да ещё и наделённого магической силой, но с познавательной точки зрения проявил интерес. Притом обладать древней реликвией Востока не возбраняется, даже Святой церковью, в которой я всё более разочаровываюсь. Мне ближе чистота и аскетизм катарского вероучения, утверждающего, что Бог един, что молиться ему можно где угодно, что Иисус – сын человеческий. Единственное, что поразило меня в этой восточной вещице, – кроваво-красные рубиновые глаза, их блеск завораживает.

Глава 2

Прочитав записи, Клермон понял, отчего его предок разуверился в Божьей силе. Что может быть страшнее крушения мечты и надежд, разве что смерть близких людей? Потомуки Раймонда IV уже не были верными католиками, строго соблюдающими обедню, причастие и исповедь. Этому способствовали душевное состояние предка, его слепая вера пошатнулась, он искал ответы на свои вопросы в учении катаров¹⁷, привезённого с Ближнего Востока.

Но многого юный Клермон так и не узнал, ибо последние годы жизни Раймонда IV Тулузского были овеяны тайной, которую нельзя доверять дневникам.

После возвращения из Пафлагонии Раймонд IV вернулся в Тулузу, столицу своего королевства Лангедок. Мечты графа почти сбылись: его резиденция получила славу самого богатого города не только Лангедока, но и соседствующих с ним Аквитании и Франции. Но, не смотря на это, граф пребывал в душевном смятении. Согласно новому катарскому учению он не посещал церковь, но отнюдь не истязал себя аскетизмом.

Новое вероучение не дало графу то, чего он так жаждал: ответы на мучающие его вопросы. Почему крестоносцы терпели столько поражений? Или Всевышний не хотел освобождения христианских святынь от мусульман? Но почему? Неужели он в равной степени благоволил как к христианам, так и к мусульманам? А может, сии святыни ничего не значат?.. Если Иисус, согласно катарскому учению, сын человеческий, а отнюдь не Божий, как учит Библия, то значит, что Дева Мария – простая женщина и не было никакого непорочного зачатия. Значит, церковники просто всё выдумали, дабы манипулировать сознанием верующих, держа их в постоянном страхе перед гневом Господним и перед адскими муками. И что тогда в действительности Ад и Рай? И существуют ли они вообще? Или это тоже вымысел церковников? А копьё, которое нашёл Пётр-Варфоломей в Антиохии, является ли оно священным? Пронзил ли им римлянин тело Христа? Или это просто подделка или ловкое мошенничество священника? Почему оно не объединило крестоносцев, а привело лишь к расколу и без того их некрепких рядов?

Увы, вера катаров не давала графу Раймонду исчерпывающих ответов.

Помимо душевных мук, Раймонд IV по возвращении из крестового похода страдал бессонницей. Едва он закрывал глаза, как к нему являлся четырёхрукий Бафомет, его рубиновые глаза светились. Однажды граф не выдержал, встал с постели, накинул пелисон¹⁸ и отправился в сокровищницу, где среди множества золота и украшений хранилась статуэтка божка.

– Что ты хочешь от меня? – обратился он к статуэтке, словно к живому человеку. – Почему ты преследуешь меня?

Разумеется, Бафомет, безмолвствовал. Граф вспомнил, как несколько лет назад некий незнакомец в Аскарае преподнёс ему в подарок сию статуэтку, заметив, что та обладает магической силой и может выполнять желания хозяина.

Раймонд покрутил статуэтку в руках.

– И как же стать твоим хозяином, Бафомет? И что ты сможешь мне дать? – разговаривал он сам с собой. Его внимание привлёк небольшой свиток, привязанный к верхней руке божка. – Возможно, ответ здесь... Кажется, незнакомец упоминал что-то о заклинании... Но я не придал его словам ни малейшего значения.

¹⁷ Катары – от греческого «чистые». Считали, что можно вступать в контакт с Богом в любое время, не посещая церковь; вели аскетический образ жизни. Учение катаров (альбигойцев) получило широкое распространение в Лангедоке. Особенно оно усилилось после Первого крестового похода.

¹⁸ Пелисон – средневековая одежда свободного покроя, подбитая мехом. Использовалась как верхняя одежда и как халат.

Раймонд снял свиток, развязал шёлковую нитку, коим он скреплялся, и прочитал:

«Властью мне данной престолом Бальдашие* и именем Примематона*, перед которыми трепещут все воинства: небесное, земное и адское, призываю: “Появись, Бафомет, для исполнения моей воли, иначе прокляну тебя и лишу всякой службы, лишу своих кровавых приношений. Исполни моё желание”».

Заклятие поразило Раймонда, но он продолжил чтение:

«Далее надо сделать Бафомету приношение: надрезать свою плоть в любом месте, чтобы чаша наполнилась кровью до краёв. Как только чаша будет наполнена, вы ещё раз призываёте его. После этого между вами возникнет незримая магическая связь: вы напоили его своей кровью, он стал вашим слугой, и с этого момента всегда будет рядом в незримом состоянии, готовый выполнять любые приказания в обмен на кровеприношение. Но связь с духом Бафомета не безопасна, его магическая сила огромна, вплоть до подчинения вашей души. Чем чаще вы будете просить помощи у Бафомета, тем вероятнее, что это может произойти».

Дочитав заклинание, граф замер, размышляя: что же ему делать? Уничтожить этот свиток или всё же призвать Бафомета? А вдруг получится? А если он действительно явится? Возможно, после этого граф обретёт сон... А если нет?..

Раймонд IV как человек, наделенный богатым воображением, представил, как перед ним появится огромное четырёхрукое чудовище... А это уже скорее демон, а не безобидная статуэтка-божок. От такого предполагаемого зрелища по телу графа пробежали «мурашки», внутри всё похолодело...

– Если ты отнял у меня сон, значит, жаждешь моей крови! – воскликнул граф. – Я совершу этот языческий обряд, или ты сведёшь меня с ума! Но что мне попросить у Бафомета?

Граф задумался... «Богатства у меня достаточно. Моя вторая жена, Эльвира Кастильская, некогда считалась самой прекрасной женщиной Кастилии и Лангедока, да и с возрастом она не утратила своей красоты. Я познал любовь многих красавиц... Сыновья Бертран и Альфонс выросли отважными, дерзкими, умными – моя кровь! А уж красоту унаследовали от своих матерей... Что же мне пожелать? Власти? Присоединить к Лангедоку земли Арагона?* Или захватить владения графа Клермонского, что граничат с моим королевством? Но граф Клермонский – вассал французской короны... И тогда мне придётся сражаться с Францией... А если этот Бафомет – лишь игра моего больного воображения? И он вовсе не наделён магической силой? А человек, который преподнёс его – всего лишь проходимец?.. А может быть, начать с малого и пожелать, чтобы непокорный Гренобль добровольно присоединился к Лангедоку?* Вот и проверю магическую силу Бафомета...»

Граф огляделся, заметив восточный кинжал в открытом сундуке, из которого он только что извлёк статуэтку Бафомета. Затем взял кинжал, откинул рукав пелисона и ловким движением рассёк себе руку.

Прочитав ещё раз заклинание и, подождав, когда чаша наполнится кровью, Раймонд призвал: – Бафомет, исполни моё желание: пусть граф Этьен де Гренобль явится ко мне со свитой и принесёт вассальную клятву, признав во мне сюзерена.

Не успел Раймонд произнести своё желание, как рубиновые глаза статуэтки загорелись ярким огнём и потухли, кровь в чаше забурлила и исчезла. Раймонд взглянул на руку, надрез удивительно быстро затягивался. Вскоре на руке виднелась лишь красная черта.

Граф потерял счёт времени, сколько он простоял, сжимая статуэтку в руках, он не знал, ибо всё произошедшее произвело на него неизгладимое впечатление. Правда, Бафомет не предстал перед ним в полупрозрачном демоническом облике, но исчезновение крови в чаше вселило в его душу страх, и он почти поверил в магическую силу бога соблазна.

Наконец Раймонд IV очнулся. Он ещё раз изучающе воззрился на статуэтку и решил, что ей место в его спальне на камине, а отнюдь не в сокровищнице.

Остаток ночи граф провёл спокойно, видения Бафомета его более не беспокоили, а наутро он пробудился в прекрасном расположении духа. Первым, что увидел граф, встав с постели, – это статуэтка Бафомета, стоявшая на камине. Её глаза отливали демоническим блеском, словно напоминание о той сделке, которую Бафомет и Раймонд IV заключили минувшей ночью.

...Через несколько дней в сопровождении многочисленной свиты в Тулузу прибыл граф Этьен де Гренобль. Он преподнёс Раймонду IV Тулузскому щедрые дары и молил защитить его от посягательств графа Клермонского, коему некуда было потратить свой военный пыл, ибо нового крестового похода не намечалось, разве что на соседние графства.

Раймонд ликовал: всё произошло, как он того и желал – Бафомет действительно обладал магической силой. После отъезда Этьена де Гренобль граф Тулузский, серьёзно задумался: а не вернуть ли ему под свою длань графство Руссильон? Ибо он считал земли Руссильона, бывшее графство Барселонское, своим законным наследством: отец Раймонда IV, граф Раймонд III Тулузский, вступил в законный брак с Эрменгардой, виконтессой де Безье Барселонской. Земли, принесённые Эрменгардой в приданое своему супругу, были обширными и богатейшими. И впоследствии получили название Маркизата Готия*. Но пока граф Раймонд IV Тулузский воевал на Святой земле вместе со своим верным вассалом – племянником графом Барселонским, земли Барселоны захватил Арагон, переименовав их в графство Руссильон*.

Раймонд IV пришёл в бешенство, узнав о вероломстве Арагона. Он тотчас же хотел отправиться в поход и вернуть свои законные земли, если бы не вмешательство его младшего сына, Альфонса, который не участвовал в крестовом походе в силу своего юного возраста. Ему едва минуло четырнадцать лет, и он, увы, не мог противостоять силе арагонцев, ибо все доблестные воины Тулузы отправились в Святую землю.

Теперь же Альфонс достиг того возраста, когда мог высказать своё мнение отцу. Несмотря на свою юность, он мыслил как истинный стратег: надо собраться силами, ибо на помощь Руссильону придут не только арагонцы, но и графство Прованс, жаждавшие освободиться от власти дома Тулузов. Раймонду IV оставалось лишь согласиться с вескими доводами сына.

С принятием Греноблем вассальной клятвы ситуация стала менее напряжённой и Раймонд IV всё чаще стал подумывать о том, чтобы отправиться в поход против Барселоны. Тем более, что он был преисполнен уверенности: Бафомет поможет достичь желаемого. Остётся всего-то малость – наполнить его жертвенную чашу своей кровью.

Перед тем как отправиться в поход против Руссильона, граф Тулузский решил перебраться в замок Монсегюр, сделав его своей резиденцией. Монсегюр занимал выгодное стратегическое положение, был не преступен, хотя и менее приспособлен для жизни. Но отсутствие привычного комфорта не смущало графа. Помимо неприступности замка его прельщала ещё и близость к Пиренеям, ведь Монсегюр располагался на северных предгорьях, что было весьма удобно для организации предстоящего похода.

Покуда вассалы постепенно стекались к Монсегюру в сопровождении своих военных отрядов и обозов с провиантом, Раймонд IV Тулузский, облюбовав одну из близлежащих укромных пещер, превратил её в храм поклонения Бафомету. Мало того, он привлёк к кровавым обрядам своего младшего сына, Альфонса.

Как только все вассалы прибыли в Монсегюр, граф Тулузский не мешкая выступил в поход. Раймонду сопутствовала удача: его войско штурмом взяло Перпеньян, который также некогда принадлежал Маркизату Готия. Затем один за другим пали города Фигерас, Олот, Вик, Манреса, Жерона.

Военному опыту графа Раймонда, полученному в крестовом походе, не могла противостоять ни одна крепость Руссильона. Когда же его войска вторглись в Таррасу, Сабадель и Бадалону, предместья Барселоны, граф Хуан Руссильонский отправил в ставку неприятеля своих переговорщиков, дабы обсудить условия сдачи своей столицы. Граф Раймонд ликовал, ибо победа была полной.

...По возвращении из похода у графа Раймонда начались видения, ему казалось, что Бафомет повсюду преследует его и требует крови. Облик Бафомета возникал перед графом совершенно неожиданно, будь он за обеденным столом, за разговором с вельможами, на охоте, конной прогулке – словом, где угодно.

Однажды, ужиная в окружении сыновей и супруги, граф побледнел, затем схватил со стола серебряный кубок и запустил его в пустоту. Кубок упал, красное вино разлилось по полу, подобно крови.

– Прочь, демон! Прочь! – неистово возопил граф.

Обеспокоенная графиня и младший сын бросились к мужу:

– Что с вами, ваше сиятельство? Может быть, послать за лекарем? – предложила заботливая графиня.

– Бесплезно... Всё бесплезно... Он повсюду... – лепетал граф, уставившись в пустоту.

– Боже Всевышний! Помоги нам! – взмолилась графиня. – Граф сошёл с ума!

И лишь один Альфонс знал истинную причину безумия своего отца. Помутнение рассудка – это была слишком дорогая плата за сделку с Бафометом.

Увы, но лекарь не смог облегчить душевные муки своего господина. Граф постепенно терял рассудок. Однажды он покинул замок, воспользовавшись одним из потайных ходов, и устремился в пещеру, где поклонялся Бафомету.

Граф, вооружившись мечом, в приступе безумия бросился к статуэтке и попытался разрубить её на части. Но безуспешно.

– Будь ты проклят! Я не хочу, не хочу подчиняться тебе! Оставь меня в покое! – бешеновался граф.

Статуэтка лежала на каменном полу, её глаза ловили отблески многочисленных свечей и отсвечивали кроваво-красным огнём.

...В замке почти сразу же заметили исчезновение Раймонда. Графиня выказала крайнее беспокойство, подозревая, что её безумный муж тайно покинул Монсегюр. Она тотчас приказала разыскать его, ибо тот пешком вряд ли успел далеко уйти.

Альфонс с отрядом стражников покинул замок и тотчас, отделившись от них, свернул на малоприметную тропу, ведущую в горы. Вскоре ему пришлось спешиться, ибо тропа круто вела вверх. Альфонс прекрасно ориентировался, не раз проделывая этот путь вместе с отцом. Наконец он достиг тайного убежища.

Войдя в пещеру, Альфонс миновал несколько природных извилистых коридоров, и его взору открылось свободное пространство, подобное залу – необыкновенное творение природы. С потолка свисали многочисленные сталактиты, придавая горному храму ещё большую таинственность.

Альфонс хорошо ориентировался в полумраке, ибо свечи едва горели вокруг алтаря, на котором, по обыкновению, стояла статуэтка Бафомета. Приблизившись, он увидел своего отца, он лежал перед алтарём, раскинув руки, рядом с ним – Бафомет и меч.

Альфонс склонился над графом:

– Отец! Что с вами? Отец...

Но Раймонд IV Тулузский безмолвствовал, ибо он был мёртв.

Альфонс сел рядом с отцом, слёзы душили его.

– Ты слишком много желал отец... – произнёс он, сдерживая рыдания. – Ты хотел власти...

Альфонс поднялся и приблизился к статуэтке. Она притягивала его и манила...

– Я уничтожу тебя! – воскликнул он и взял её в руки. Но как только Альфонс прикоснулся к ней, то подумал: «Ещё пригодится... спрячу в замке... на чердаке...»

...Раймонда IV Тулузского похоронили в семейной усыпальнице в Тулузе, где он обрёл вечный покой рядом со своими предками. Законным наследником Лангедока стал Альфонс Тулузский, но правил он недолго.

Вскоре он покинул королевство, передав всю полноту власти регенту, направившись на Святую землю. Там он посетил Триполи, где правил старший брат Бертран, а затем отправился в Иерусалим, надеясь обрести душевный покой.

Но прошлое не хотело отпускать Альфонса. Он заказал у иерусалимского ювелира чашу, вылитую из серебра, в форме головы Бафомета с рубиновыми вставками вместо глаз. Из неё Альфонс вкушал красное вино, подобие крови, считая, что таким образом может задобрить Бафомета и избежать безумия.

В Иерусалиме он сошёлся с неким французским рыцарем Гуго де Пейном*, а затем, спустя десять лет, вступил в орден рыцарей Храма Соломона, впоследствии более известного как орден тамплиеров.

Спустя год скончался Бертран Трипольский. Альфонс простился с Гуго де Пейном, подарив ему на прощание чашу в виде головы Бафомета. Гуго де Пейн, склонный ко всякого рода мистификациям, обрадовался подарку, ибо давно хотел узнать о происхождении сей чаши. Но Альфонс предпочитал отмалчиваться. Но теперь, перед тем как покинуть Иерусалим и отправиться в Триполи, Альфонс рассказал своему другу историю Бафомета. Де Пейн пришёл в неподдельное волнение.

– А что стало с настоящим Бафометом? – с жаром вопрошал он.

– Вы имеете в виду, со статуэткой?.. – переспросил Альфонс и усмехнулся. Альфонса насторожил живой интерес де Пейна к Бафомету, он подумал, что не стоит говорить о том, что статуэтка цела и хранится в Монсегюре.

– Я уничтожил её, – солгал Альфонс.

Де Пейн сник.

– Напрасно, мой друг... Разве можно уничтожать магические предметы?..

Альфонс пожал плечами.

– Что сделано, то сделано... Ничего нельзя изменить.

...Альфонс отбыл в Триполи и через год женился на виконтессе Файдиве д'Юзес, которая в положенный природой срок родила ему сына, коего нарекли Раймондом. Покуда Альфонс правил на Святой земле своим крошечным графством, власть в Лангедоке захватил Гильом Аквитанский.

Как ни взывала Файдива к самолюбию своего супруга, он не проявлял ни малейшего желания вернуть утраченные земли. Лишь спустя двадцать лет его сын Раймонд V, проявив твёрдость характера и недюжинные военные способности при поддержке крестоносцев и рыцарей-тамплиеров, с которыми Альфонс Иорданский не утратил связи, сверг Гильома Аквитанского и вернул Лангедок под длань Тулузов.

Вскоре после этого он женился на Констанции Французской, сестре короля Франции Людовика XII.

Его отец Альфонс Иорданский так и не вернулся на родину, найдя вечный приют на земле Трипольского графства.

...Гуго де Пейн, получив столь необычную чашу в подарок, стал вкушать из неё красное вино. В такие моменты он мысленно молил Бафомета сделать орден тамплиеров самым могущественным. Вскоре Гуго де Пейн стал магистром и возглавил ещё немногочислен-

ный орден. Почти двадцать лет он находился у кормила власти. За это время орден тамплиеров существенно набрал силу. Многие рыцари почитали за честь вступить в его ряды. Магистр даже придумал специальный ритуал, во время которого неофит¹⁹ должен испить из чаши красного вина, а затем воззвать к Бафомету. В тот момент, заботясь лишь о напускной мистификации, дабы поразить воображение неофита, он и предположить не мог, что эта чаша может впоследствии погубить орден²⁰.

* * *

Клермон уже дочитывал дневник, как дверь его комнаты открылась, вошёл граф Раймонд VI Тулузский*. Увидев брата, сидевшего в кресле и увлечённого чтением, он спросил:

– Клермон, скажите, где вы пропадали весь день, да ещё и не явились к обеду? Я в вашем юном возрасте не позволял подобного из уважения к близким людям.

Клермон встал и поклонился, как и подобает воспитанному человеку.

– Я приношу вам свои извинения, граф Раймонд. Виной всему моё любопытство: разбирал на чердаке старые сундуки и нашёл в них много интересного.

– Позвольте, шевалье, вы обследовали сундуки графа Раймонда IV? – поинтересовался граф.

– О, да! В одном из сундуков я нашёл записи нашего легендарного пращура, – Клермон указал на открытый дневник, – в котором он описывает события крестовых походов. Весьма увлекательно и познавательно.

– Да, безусловно, полезно прочесть походный дневник, узнав об испытаниях, пережитых нашим предком, – кивнул старший брат. – Я ничего не имею против ваших изысканий в сундуках нашего прадеда, но прошу, дорогой брат, не нарушайте установленный распорядок в замке.

– Обещаю, ваше сиятельство, что буду вовремя спускаться в зал, – произнёс Клермон, глубоко раскаявшийся в своём поведении.

Раймонд VI, удовлетворённый выговором, učinённым своему младшему брату, удалился.

Клермон с увлечением дочитал дневник и, решив продолжить обследование сундуков, он вновь отправился на чердак.

Помимо записей о самом военном походе крестоносцев Клермон обнаружил заметки, посвящённые пребыванию Раймонда IV в Константинополе. Для того чтобы заглушить обиду, нанесённую ему нормандцами, отдавшими корону Иерусалима Готфриду Буйонскому, славный предок вёл активную жизнь, ни в чём себе не отказывая.

Он посещал всевозможные злачные места в Константинополе, был не воздержан с женщинами и вине. Неизвестно, чем бы это всё закончилось, если бы не Второй крестовый поход.

Но, к сожалению, и этот поход закончился крахом. Не помогли ни копье, найденное в Антиохии, ни рука святого Амвросия, обладателем которой был епископ Миланский. Легендарный предок вернулся в Лангедок, где умер при весьма таинственных обстоятельствах спустя четыре года в возрасте шестидесяти четырёх лет. О безумии, охватившем Рай-

¹⁹ Неофит – новообращённый, только что принявший какую-либо веру.

²⁰ В материалах инквизиционного расследования против ордена тамплиеров часто фигурирует некий Бафомет, которому те поклонялись. Но описание сего божества не даётся. Упоминается также чаша в виде головы с рубиновыми вставками вместо глаз. По мнению инквизиторов, сия чаша использовалась во время обрядов идолопоклонничества, в коих обвинялся орден. Также ордену вменялось отрицание Христа. Вероятно, многие тамплиеры придерживались учения катаров, которое отрицало не самого Христа, а его божественное происхождение.

монда IV незадолго до смерти, в семье Тулузов предпочитали не упоминать. Ибо сие при-
скорбное обстоятельство ложилось несмываемым пятном на весь правящий дом.

После смерти Раймонда IV все его сундуки с военными записками и увесистыми фоли-
антами были перенесены слугами по приказу Альфонса на самый верхний ярус замка, на
чердак. Сундуки с книгами на латинском, греческом и итальянском языках, а их было три,
никогда не разбирались.

Именно в одном из них Клермон и нашёл дневник легендарного предка. Далее, разби-
рая фолианты, он увидел продолговатый свёрток из ткани, перевязанный золотистыми нит-
ками. Юношу охватило любопытство.

– О! Что это?! Интересно!

Он тут же не замедлил разорвать нитки и развернул хорошо сохранившуюся темно-
зелёную ткань. Перед ним предстала статуэтка четырёхрукого божка с рубиновыми глазами.
Клермон, вспомнив соответствующее место в рукописи, сразу же догадался – это и есть
Бафомет.

Из крестовых походов Раймонд IV привёз дорогие украшения, ткани, золотую и сереб-
ряную посуду. Из тканей сшили наряды, которые давно изношены. Украшения и посуда
бережно сохранялись в Монсегиоре и передавались из поколения в поколение. Статуэтка же
почти сто лет пролежала в сундуке с дневником и старинными фолиантами – никто ею не
заинтересовался. Даже граф Раймонд VI ничего не знал о ней.

Клермон внимательно изучил свою находку: размером четырёхрукий божок был при-
мерно в три пяди, сделан из бронзы, местами металл позеленел и выщербился. В верхней
правой руке божок держал чашу, примерно с ладонь младенца; в левой – табличку, испещ-
ренную таинственными значками. Голова божка выглядела несоразмерно большой по отно-
шению к телу. Разрез его глаз напоминал восточный, вместо зрачков красовались крупные
красные рубины. На нижней левой руке божка висел свиток, потемневший от времени. Клер-
мон отвязал его, развернул и прочитал заклинание, то самое, что и Раймонд IV много лет
назад.

В первый момент Клермон испугался и хотел бросить свиток, ибо прекрасно осозна-
вал опасность магии. Неожиданно им овладело совершенное спокойствие: он свернул перга-
мент, привязал его обратно к руке статуэтки, тщательно завернул божка в ткань, затем убрал
свою находку на самое дно сундука, завалив её многочисленными фолиантами. В голове
пронеслась мысль: «Время ещё не пришло...»

Глава 3

Дворяне и духовенство Франции только и ждали повода для объявления крестового похода против еретиков Лангедока, которых называли катарами, а чаще – альбигойцами. И такой случай им представился. Римский Святой престол давно проявлял недовольство Лангедоком. Правящий папа Иннокентий III агрессивно относился к катарскому вероучению. Оно же набирало силу, распространившись в Испании, Германии (учение так называемых вальденсов), Италии.

В это время король Франции Филипп Август II пребывал в затруднительном финансовом положении – казна была истощена. Франция была настолько мала, что не могла противостоять английской Аквитании*, всё более распространяющей своё влияние на соседние земли. Непомерная тяга к роскоши, разного рода балам и праздникам, охотам, маскарадам и молодым любовницам сделала своё дело, финансы Франции таяли на глазах. Королевство Лангедок давно не давало покоя Филиппу. Богатство Раймонда VI Тулузского вызывало в короле жгучую зависть, а его независимое поведение, ни в грошь не ставящее авторитет Франции, а соответственно и его, помазанника Божьего, – ненависть.

Во время своего паломничества в монастырь Сито, которому король Франции всячески покровительствовал, он обсудил проблему зарвавшегося Лангедока с аббатом Арнольдом*, рьяным католиком и алчным до чужого добра. Во время одной из бесед, а их всегда отличало удивительное взаимопонимание, король заметил:

– Дорогой аббат, не кажется ли вам, что с Тулузами надо поступить жёстко? Они совершенно не уважают Святую церковь, мне докладывают, что в церквях годами не служатся мессы. Рыба, как известно, гниёт с головы, и вот эта самая голова способствует распространению ереси, которая пытается проникнуть и во Францию, – возмущался Филипп. – Насколько мне известно, в Лангедоке существует четыре катарских церкви: Альбижуа, Аженуа, Тулузская и Каркассонская. Как доложили мои верные люди, по инициативе Тулузской и Каркассонской общин состоялось их совместное собрание в Сан-Фелисе. Там они избрали себе епископов. Также за катарском соборе в Сан-Фелисе присутствовал епископ Франции Роберт д'Эпернон, представлявший катаров Шампани, Бургундии и Фландрии, а именно общины из Реймса, Везелэ, Шарите-сюр-Луар, Лилля и Невера. Эта зараза глубоко проникла на землю Франции! Граф Раймонд V ещё пытался обуздать еретиков, но его сын Раймонд VI при поддержке ярых еретиков Транкавелей и де Фуа и вовсе не намерен считаться с католической церковью.

– Сир, совершенно с вами согласен! – рьяно поддакнул аббат. – Раймонда VI надо призвать к уважению Святой церкви. А если это не поможет, то объявить крестовый поход против Лангедока.

– Да, святой отец, меня тоже посещают подобные мысли. Лангедок слишком хорош, богат и плодороден. Королевство должно стать протекторатом Франции и платить налоги, причём немалые. Если же возникнут волнения, их следует подавить. Вассалов, преданных Тулузам, уничтожить, а их земли разделить между нашими баронами, на которых можно будет опереться при необходимости. Следует связаться с Римом, дабы Папа Иннокентий III принял эдикт, обязывающий Тулузов выплачивать специальный церковный налог. Мы задушим Раймонда VI налогами и недовольство Римом в Лангедоке станут неизбежными. И вот тогда наступит ваша очередь, дорогой аббат, из ваших уст должен прозвучать пламенный призыв к крестовому походу против еретиков Лангедока, оскверняющих своими вымыслами истинную католическую веру. Эти вероотступники осквернили всё! Они считают Иисуса простым смертным и отвергают непорочное зачатие Девы Марии! Неслыханное святотатство!

– Именно святотатство, сир! – с жаром поддержал короля священнослужитель. – Они отвергают крещение младенцев, таинство исповеди и брака! Мало того, катары считают святое распятие орудием казни! – брызгал слюной Арнольд, задыхаясь от праведного гнева. – Отлучение от церкви их не пугает! Остаётся только один способ пресечь эту заразу: уничтожить еретиков в их же логове.

– Прекрасно сказано, аббат. Мы так и поступим, – согласился Филипп.

Аббат Арнольд подобострастно поклонился в знак того, что готов изречь своими устами в Риме всё, что пожелает Филипп. Его богатое воображение тут же нарисовало горы золота, полученного в качестве налогов с Лангедока.

* * *

1208 год, январь

Папа Иннокентий III направил в Лангедок одного из своих легатов Пьера де Кастельно, который намеревался сделать внушение графу Раймонду VI и передать послание, подписанное понтификом. Достигнув Каркасона, легат отправил в Монсегюр гонца, дабы предупредить графа о своём визите.

Этим известием, по сути официальным, Раймонда поставили перед фактом: легат пребывает и его надлежит встретить подобающим образом. Граф тотчас отдал соответствующие распоряжения, касающиеся принятия высоких гостей. Из подвалов достали бочки с самым лучшим вином, охотники отстрелили нескольких косуль, рыбаки наловили в реках Гаронна и Арьеж огромное количество рыбы.

В назначенный день де Кастельно в сопровождении свиты, появился под стенами Монсегюра.

– Вот оно, гнездо еретиков. Управы на Тулузов нет! – изрёк легат, завидев замок, возвышающийся на отрогах Пиренеев. – Никогда они не станут верными слугами Святого престола, их можно только либо утратить, либо уничтожить. А земли здесь весьма плодородные... Хорошо бы получить владения где-нибудь недалеко от Каркасона или Авиньона в награду на преданную службу, – размечтался де Кастельно.

– Да, да, господин легат. Тулузы – еретики. Земли очень хороши, – дружно подхватила свита.

...Раймонд и его жена Беатрисса приняли легата с полагающимися почестями в замке Монсегюр. Одетые в красные одежды из бархата, расшитого золотом, они встретили де Кастельно в парадном зале. Он вошёл со своей свитой с гордо поднятой головой, будто в собственный замок.

– Моё почтение, господин легат! – Раймонд VI старался быть предельно вежливым. – Вы проделали неблизкий путь, дабы навестить нас. Это большая честь для меня и моей семьи. Поверьте, мы ценим внимание, которое оказал нам понтифик, направляя вас в Лангедок.

Де Кастельно поклонился. Он прекрасно понимал, что за светскими любезностями Раймонда VI скрывается еретический дух катара.

– Да, ваше сиятельство, я преодолел столь нелёгкий путь от Ватикана до Монсегюра, дабы передать вам послание, – легат указал графу на свиток, который держал его секретарь.

– Почту за честь, господин легат, принять послание из ваших рук, от человека, облечённого высоким доверием самого Ватикана, – заверил граф и добавил: – Прошу вас, господин легат, отдохнуть с дороги и оказать честь отобедать с нами.

Раймонд жестом пригласил легата следовать за ним и лично проводил в отведённые покои. В замке началась суматоха, обычно предшествующая приготовлению праздничного ужина.

За праздничным столом, накрытым в честь высокого гостя, легат преподнёс послание Папы Иннокентия, и граф, приняв его с поклоном, развернул свиток с деланным уважением и восхищением.

Послание содержало следующее:

«Сын мой, граф Раймонд Тулузский, сюзерен королевства Лангедок!

Я позволяю себе столь снисходительное обращение к Вам в личном послании только лишь потому, что все истинные католики как Франции, так и Лангедока – мои духовные дети. В последнее время меня беспокоят постоянные сообщения о том, что в Лангедоке активно распространяется учение катаров. Мало того, что эта неслыханная ересь, отрицающая все наши католические духовные ценности, расплодилось по королевству Лангедок. Она ещё и просочилась в соседнюю Испанию, Германию и Ломбардию. Катарская ересь призывает людей не посещать церковь, не платить ей положенные подати. Женщины занимаются самоистязанием, становятся, как говорится у еретиков, “совершенными”, отказываясь тем самым от деторождения в миру, не принимая монашеского сана, что само по себе противоречит не только здравому смыслу, но и всем основам католической церкви. По Лангедоку беспрепятственно гуляет сирвент Вильгельма Фигвейреса, который имеет наглость проклинать Рим, как он выражается, “за разврат и ложь”. Исходя из выше указанных фактов, я настоятельно советую:

- для укрепления католической веры обязывать каждого четырнадцатилетнего мальчика и каждую двенадцатилетнюю девочку давать клятву исповедовать только католическую веру, ненавидеть и преследовать еретиков;
- запретить мирянам читать Библию, так как они её могут истолковывать неверно, идя на поводу у еретиков-катаров;
- право чтения Библии оставить только за священнослужителями;
- обязательное посещение церквей и храмов, присутствие при обрядах богослужения для всего населения королевства, принявшего первое причастие.

Настоятельно прошу Вас, сиятельный Граф Тулузский, не забывать, что Вы лично в ответе перед Святым престолом за всё происходящее в королевстве Лангедок, особенно в отношении католической веры.

5 января месяца, года 6708²¹».

Послание, хоть и названное личным, содержало скорее неукоснительные указания. Раймонд понял: теперь, что бы он ни делал или ни говорил, всё будет известно Иннокентию через его многочисленных шпионов, вычислить которых просто невыносимо, погрязнув в недоверии к собственной семье.

Раймонд натянуто улыбнулся:

– Господин легат, уверяю вас, что приму все меры, дабы укрепить католическую веру в королевстве, и всячески буду пресекать катарское учение. Что касается сирвента Вильгельма Фигвейреса, я прикажу наказать всех, кто его читает и всех, кто его распространяет.

Здесь Раймонд лукавил, так как наказание он должен был начать с самого себя, ибо один из вариантов сирвента хранился в его письменном столе. Раймонд любил его перечитывать, особенно ему нравилось место:

«Моя надежда и утешение в одном, Рим, что ты скоро погибнешь; пусть повернётся счастье к германскому императору, воюющему с тобой. Пусть он победит тебя, и тогда посмотрим, Рим, как сокрушится твоё могущество. Боже, владыка мира, соверши это скорее!

²¹ 6708 год от Сотворения мира соответствует 1208 году от Р.Х.

Рим, ты так хорошо забираешь в свои когти, что у тебя тяжело отнять то, что захватил ты. Если ты вскоре не лишишься своей силы, то это значит, что мир подчинён злему року и что он погиб окончательно...»

...Легат со свитой пробыли в замке несколько дней, упиваясь великолепным лангедокским вином. Беатрисса пребывала всё это время в постоянном напряжении. Она как женщина умная и красивая чувствовала на себе раздевающие взгляды легата и была очень рада, когда гости собрались в обратный путь. Утром, когда легат и его свита, нагруженные провиантом и дорогими подарками отбыли по направлению к Каркасону, Беатрисса с облегчением вздохнула.

* * *

Убийство было для Оливье привычным делом. Если кто хотел избавиться от недруга – так это пара пустяков. Оливье был готов прийти на помощь за соответствующее вознаграждение. Вот уже много лет он не подводил своего хозяина, аббата Арнольда. Много подобного рода поручений давал ему святой отец за прошедшие годы.

«Кого только убивать ни приходилось, но платил святой отец справно, ничего не скажешь... И в этот раз отвалил серебряных су²², не поспешил... Да ещё дал понять, чтобы свидетелей не осталось. Понятное дело, не оставлю... Иначе проведает монахи-доминиканцы* и сожгут нас, достопочтенный аббат, на одном костре! Они всё доложат папе римскому, а уж тогда – держись, нигде не скроешься. Да и мыслимо ли – убить самого легата со свитой, посланца Святого престола?! Не иначе как аббат связался с самим Сатаной! Да, и ладно, мне-то что – заплатил и всё. А со своей душой пусть сам разбирается, кому он её продал», – думал Оливье, сидя в кустах.

Он постоянно посматривал на переправу через Рону, а для верности посадил наблюдателя на дерево. У этого парня зоркий глаз, недаром охотник. Людей Оливье набрал что надо: трёх отъявленных негодяев, жадных до денег – вот и погубит их любовь к ним.

За что уважал и боялся Оливье аббата, так это за прямоту. Вызвал его аббат к себе две недели назад и спросил:

– Оливье, ты мой верный слуга?

– Конечно, святой отец, отчего же вы сомневаетесь? – удивился Оливье.

– Я, пожалуй, нет. Главное, чтобы эти сомнения не появились у тебя, сын мой, – аббат по-отечески взглянул на своего преданного слугу.

– А с чего бы им появиться? Вы же знаете, святой отец, если надо чего, я всегда сделаю, – подтвердил свою готовность Оливье.

– Вот и хорошо. Тогда к делу. Примерно через десять дней к графу Тулузскому прибудет легат от самого папы. Он погостит в Монсегуре пару дней, не более, затем отправится в обратный путь. Так вот, до Рима он не должен доехать. Где-нибудь недалеко от Монсегюра, на земле Лангедока, с ним и его людьми должна случиться серьёзная неприятность, – аббат многозначительно посмотрел на Оливье. – Желательно, чтобы про неё никто не знал, кроме нас с тобой. Вот возьми, – Арнольд протянул слуге увесистый мешочек с серебром.

– Всё понятно, хозяин. Сделаю как нужно! – Оливье поклонился. – Я ваш верный слуга, – ещё раз подтвердил он.

...Оливье привлёк проверенных людей – не один раз вместе дело проворачивали. И теперь на душе у него скребли кошки – жаль избавляться от таких молодцов: мать родную к праотцам отправят, не пожалеют, да и меткости им не занимать. Придется искать других людей.

²² Су – французская средневековая денежная единица, эквивалентна примерно 25 граммам серебра.

Оливье лежал в кустах, подстелив шкуру волка: земля холодная, не ровен час, простудиться можно. Редкий голый кустарник плохо скрывал засаду, поэтому приходилось лежать на мёрзлой земле. И как назло выпить нельзя – рука должна быть твёрдой, а глаз ясным. Он внимательно смотрел на Рону, в этом месте река была мелкой и неширокой, проехать можно даже зимой.

– Едут! – крикнул наблюдатель, спрыгнул с дерева и лёг на землю рядом с Оливье.

На том берегу показался кортеж легата.

– Вот люди, – почти шёпотом сказал Оливье, – ничего не боятся! Какая самоуверенность! Думают, раз легат, то смерть его обойдёт стороной. А стреле-то, ей всё равно – легат, граф или крестьянин, плоть у всех одинаковая.

Кортеж вошёл в воду Роны, впереди ехали два охранника, дальше де Кастельно в бархатной шубе и ещё три сопровождающих лица.

– Цельтесь в легата, рыцарей будем добивать потом! – отдал приказ Оливье.

Бандиты натянули тетиву луков, мгновенье – и посланник папы взревел, как раненый медведь.

– Интересно, а кровь у него какого цвета? – поинтересовался подручный.

– Голубая... – съёрничал Оливье.

В кортеже началась паника, легат рухнул в воду с лошади, остальные, побоявшись ехать вперёд, развернули лошадей. Вот тут и началось! Из кустов с противоположного берега тоже полетели стрелы, и трое сопровождающих легата также оказались в воде. Остались одни рыцари, они металась по мелководью между трупами. Оливье пронзительно свистнул, подав условный знак, все четверо разбойников выскочили из укрытия, развернув рыболовные сети. Вскоре отважные итальянские рыцари барахтались в них, как огромные блестящие рыбины. Оливье достал стилет, подаренный самим аббатом, за удачно выполненное прошлое задание, и добил несчастных. Он даже дал звучное название своему оружию – «последняя милость».

Переправа обогрелась кровью. Подручные Оливье снимали с вельмож украшения, цепи, срезали кошельки с добротных кожаных поясов.

– Жаль, одежда подпорчена: лисья шуба легата хороша, – пожалел один из них.

– Ничего, его золотой цепи тебе хватит с лихвой, – сказал Оливье, понимая, что вскоре этот трофей станет его собственностью, как, впрочем, и все остальные. – Лошадей соберите, пока не разбежались, продадим хозяину харчевни.

Отъехав от места засады и дождавшись темноты, Оливье и его подручные двинулись в харчевню, расположенную примерно, в двух лье²³ к востоку от Роны. Обычно все путешественники, следующие через переправу, останавливались в «Жирном кабане».

Хозяин харчевни Анжэр, давний подельник Оливье, охотно скупал лошадей и золотишко, когда выдавалась такая возможность. На этот раз он ждал Оливье с нетерпением, зная, что добыча будет отменной. Нетерпение он проявлял и по другой причине: поскорей хотелось закончить опасное дело. До сегодняшнего вечера Анжэр не подозревал, кто будет жертвой Оливье, но когда вечером в харчевне появился торговец и сообщил, что на переправе убиты итальянские вельможи, он понял: добыча будет богатой.

Оливье постучал в дверь «Жирного кабана» условным стуком, и хозяин тут же впустил подельника.

– Дай что-нибудь поесть, умираю с голода и с ног валюсь от усталости. Мои стрелки тоже голодные и хотят обмыть удачную охоту. Лошадей посмотри на заднем дворе – о цене потом договоримся. Замёрз, как собака, не май месяц на дворе!

– Да, всё готово, – засуетился Анжэр, – еда и вино стоят на столе.

²³ Лье – мера расстояния в средневековой Франции, примерно 4000 метров.

Оливье и Анжэр многозначительно переглянулись.

Бандиты накинулась на еду, обильно запивая крепким вином. Оливье тоже ел с аппетитом, но делал вид, что пьёт. Голодные подельники, довольные удачным окончанием дела, не обратили на это ни малейшего внимания. Они активно обсуждали, что купить на вырученные деньги, и не заметили, как осоловели и начали засыпать прямо за столом, под конец дружно захрапев.

– Телега у тебя есть? – спросил Оливье.

– А, телега?.. Да, конечно... – растерялся Анжэр, понимая, что сейчас произойдёт. – Прошу тебя, только не здесь! Вдруг кто увидит...

– Это ночью-то! – Оливье явно издевался, поигрывая в руках «последней милостью». – Ладно, лошадей смотрел?

– Да...

– Чего – да? Денег за них давай! – рявкнул Оливье, упиваясь страхом Анжэра.

– Сейчас... – Анжэр ушёл и принёс мешочек с серебром.

– Сколько там? – указал Оливье стилетом на мешок.

– Как обычно, из расчёта пять серебряных монет за лошадь. Я же тоже должен зарабатывать.

– Ну да! Тебе бы только на всём готовеньком! Знаю я, сколько ты заработаешь. Небось по двенадцать монет серебром загонишь?

Анжэр замаялся. Довольный Оливье осклабился.

– Ладно, поехали, поможешь.

– Нет-нет, я не смогу убивать! Я сделал всё, как ты просил, но от убийства уволь.

– Да ладно, я на это и не рассчитывал. Факел поддержишь, ночь на дворе.

* * *

Весть о том, что легат Пьер де Кастельно и вся его свита перебита при переправе через реку Рона, разнеслась мгновенно. Рассказывали, что засада на другом берегу реки хладнокровно расстреляла кортеж из луков, убийцы ограбили вельмож и украли лошадей. Не помогли даже рыцари. Они были найдены запутанными в сети и заколотыми в горло.

На самом деле то, что это были люди аббата Арнольда, страстно проникнувшегося к словам Филиппа и видящего под своим крылом новые монастыри и земли, понимали только Тулузы. Раймонд VI догадывался, что Арнольд задумал хитрую провокацию: убить легата и свалить всё на коварных еретиков Тулузов, – путь в Лангедок открыт, и крестовый поход обеспечен. После потери доверенного лица папа Иннокентий III непременно поддержит поход, да ещё и поспособствует ему, лично благословив на борьбу с вероотступниками и убийцами.

В Монсегюре все пребывали в ужасе, особенно женщины. Теперь руки у французов были развязаны.

Вассалы Раймонда также понимали: никто из лангедоков никогда бы не решился на такой шаг, так как это открытый конфликт с Римом, который приведёт к войне. Раймонд был уверен, что война выгодна, в первую очередь, французской короне для пополнения казны, а во вторую очередь – Святому престолу, ненавидевшему всё, идущее вразрез с католицизмом.

Призывы аббата Арнольда организовать крестовый поход против Тулузов поддержали все дворяне Франции. Его активно пропагандировал королевский двор Филиппа II Августа, особенно усердствовал граф Симон де Монфор*.

Начались военные приготовления. Аббат Арнольд приказал уничтожать еретиков, не принимать в расчёт ни пол, ни возраст, ни занимаемое положение.

Весной 1208 года грянула война. Войска Папы Иннокентия высадились в Нарбоне, опустошив город, двинулись к Каркасону. Каркасон и прилегающие к нему территории принадлежали вассалу графа Раймонда VI – графу де Фуа²⁴. Де Фуа гордился своим древним родом, иногда даже не в меру, отказывая всем претендентам на руку дочери Элеоноры. Его непомерная гордыня и доблесть позволили надолго задержать папские войска под Каркасоном.

Перед вступлением врага на его земли де Фуа предусмотрительно решил переправить дочь в Монсегюр. Он призвал в кабинет Элеонору:

– Дорогая дочь, ты знаешь, как я люблю тебя. Папские войска высадились в Нарбоне, они, как саранча, опустошают всё, грабят, насилуют и убивают всех подряд – и крестьян, и дворян. Я написал письмо своему сюзерену – Раймонду Тулузскому, где прошу позаботиться о тебе в случае моей гибели. Возьми с собой всё необходимое и немедленно уезжай.

– Отец, неужели всё так серьёзно? – Элеонора разрыдалась и бросилась на шею отцу. – Я не хочу уезжать и оставлять вас здесь! Уедем вместе!..

– Нет, дорогая дочь, остаться – мой долг перед памятью твоей матери, моих предков, построивших наш замок, и перед сюзереном. Я должен задержать наёмников, чтобы ты успела укрыться в Монсегюре. Он непреступен, там ты будешь в безопасности. Собирайся сейчас же!

Де Фуа поцеловал прильнувшую девушку в щеку, крепко обнял её и отстранил.

– Не теряй время, Элеонора! Я не хочу, чтобы моя дочь стала добычей осатаневших убийц!

Элеонора, вытирая слёзы, отправилась в свои покои и выехала из замка через два часа. К вечеру она в сопровождении небольшого отряда достигла Монсегюра.

Беатрисса встретила Беатрисса, как родную:

– Дорогая! Я всегда уважала вашего отца, верного вассала графа Раймонда. Наёмники разоряют Нарбону и её предместья. Помогите, Господь, графу де Фуа! Вы будете чувствовать себя, как дома, обещаю вам. Я приказала приготовить для вас комнату и отнести в неё вещи. Если вам понадобится что-либо, прошу, не стесняйтесь!

– Благодарю вас, графиня, вы так добры... Отец просил передать письмо графу Раймонду, прошу вас, возьмите.

В этот момент Клермон спустился в зал посмотреть, кто же приехал в такой поздний час. Он увидел милую белокурую девушку, всю в слезах.

– Элеонора, познакомьтесь, – кивнула Беатрисса, – брат графа Раймонда Тулузского, шевалье Клермон де Монсегюр. Надеюсь, он станет вашим верным рыцарем на протяжении всего пребывания в замке.

Клермон поклонился. Элеонора растерянно посмотрела на него, понимая, что не в лучшем виде для знакомства с молодым шевалье, и улыбнулась.

– Я счастлив видеть вас, Элеонора. Я слышал о вашей красоте и теперь абсолютно убеждён, что люди не лгут. Вы ещё красивее, чем говорят! – проявил Клермон светскую вежливость и поклонился. На самом деле он подумал, что небольшая ростом Элеонора похожа скорее на растрепанного несчастного воробья.

– Я тоже рада встрече с вами, шевалье. Но лучше бы она произошла в более подходящее и спокойное время.

– Идёмте, Элеонора, я провожу вас. Вам надо отдохнуть с дороги. Я прикажу подать вам ужин прямо в комнату, – вмешалась Беатрисса на правах хозяйки.

– Благодарю вас, ваше сиятельство, но я не голодна...

– Ничего, вы отдохнёте, и аппетит появится. Молодой организм своё потребует.

²⁴ «Де Фуа» в переводе с французского буквально означает «верный делу или присяге».

Беатрисса обняла за плечи уставшую и растерянную девушку и увела. Клермон остался один в гостиной. «Если бы Элеонора была чуть повыше и более статной, я, пожалуй, поухаживал бы за ней. Но, увы, она не в моём вкусе», – с такими мыслями Клермон отправился в свои покои, где его ждал очередной захватывающий фолиант.

...Раймонд, сидя за письменным столом, развернул письмо графа де Фуа:

«Мой сиятельный сюзерен!

Приношу извинения, за то, что пишу наспех. Отправляю свою дочь Элеонору под Вашу защиту и покровительство. Прошу Вас, Ваше сиятельство, позаботьтесь о ней. Наёмники приближаются к Каркасону. Город просто так не взять, поэтому я предполагаю мучительную осаду, после которой, как Вы понимаете, исход один. Я до последней капли крови буду защищать свой город. Укрепляйте Монсегюр, пока есть время, он и так непреступен, но будет вообще неуязвим. Постараюсь задержать неприятеля как можно дольше.

Преданный Вам граф де Фуа».

Прочитав письмо, Раймонд понял: крестовый поход против Лангедока начался. Он невольно почувствовал себя обязанным графу де Фуа за его преданное самопожертвование. Об Элеоноре де Фуа он, конечно, позаботится: выдаст замуж, обеспечит приданым – всё как положено. Если сам останется жив...

* * *

Каркасон был разорён после двухмесячной изнурительной осады. Ворвавшись в город, враги убивали всех подряд, включая женщин и детей, не разбирая, католиков или катаров – Всевышний сам на небе разберётся.

Незадолго до падения города Раймонд Тулузский получил голубиной почтой письмо от графа де Фуа. В нём говорилось:

«Мой сюзерен!

Я посылаю Вам это письмо, возможно, последнее, чтобы сообщить Вашему сиятельству: Каркасон осаждён папскими войсками. Защитники крепости сразу же отбили у наёмников предместье Грайвеон, расположенное перед Тулузскими воротами. Здесь же мои люди обнаружили запасы древесины, которая пришлась весьма кстати для устройства дополнительных палисадов²⁵.

Но в тот же день враги перекопали дороги и, укрывшись за рвами, выставили многочисленных арбалетчиков, которые уничтожали всех, кто пытался покинуть город. Поэтому, не рискуя гонцом, я отправил Вам послание голубиной почтой.

Обосновавшись около Тулузских ворот, враги направили на наш барбикан²⁶ баллисту и начали обстрел городских стен. Мы же в свою очередь установили на барбикане турецкий каменьёт, снаряды которого причинили вражеской баллисте немало вреда.

Испугавшись, паписты бросили метательную машину, вырыли рвы и соорудили палисады. После чего, Ваше сиятельство, они начали рыть подкоп под барбиканом Нарбонских ворот. Начальник городской стражи услышал шум, исходящий из-под земли, и тотчас доложил мне. Я в свою очередь приказал рыть встречный подкоп и уничтожить вражеских минёров.

²⁵ Палисад – дополнительное деревянное ограждение, за которым могли спрятаться лучники или арбалетчики.

²⁶ Барбикан – специальная деревянная дополнительная конструкция, защищающая ворота крепости. Так называемая первая линия обороны. Чтобы осаждавшие могли достичь городских (крепостных) ворот, прежде должны были преодолеть барбикан. Далеко не все крепости оснащались барбиканами.

Точно такие же действия враги предприняли и со стороны Родезских ворот, и я приказал принять незамедлительные ответные меры.

Вскоре паписты попытались взять город штурмом, но наши искусные арбалетчики, горевшие желанием защитить Каркасон, не позволили им это сделать, причинив весьма существенный урон.

Наконец неприятель собрался с силами и предпринял штурм главного барбикана, расположенного на реке Од. Мы спустились туда и забросали наёмников камнями и стрелами из луков и арбалетов. Так что они вынуждены были прекратить штурм.

В этот же день паписты подожгли все дома в предместьях Каркасона. С высоты городских стен жители наблюдали, как гибнет их добро...

Не знаю, сколь долго мы сможем удерживать город. Возможно, на помощь папистам придут французы, тогда дело плохо.

Я не ропщу на свою судьбу. Ещё раз заверяю Вас, что мы постараемся как можно дольше сдерживать обезумевшего от жажды крови врага. Прошу Вас об одном: поцелуйте от меня Элеонору и скажите, что я умру с её именем на устах.

Ваш преданный вассал, граф де Фуа».

* * *

Пока папские войска опустошали восточную часть Лангедока, с севера подошли французские рыцари во главе с Симоном де Монфором и осадили крепость Монреаль. Граф Эмерик де Монреаль защищал свой замок из последних сил, на голову осаждающих летели стрелы, лилось кипящее масло, сыпался град камней. Но защитников замка было слишком мало, стрелы закончилась, всё масло было вылито на головы неприятеля. Тогда французы проббили бефроем²⁷ ворота и ворвались в крепость. Сражались все, кто мог держать оружие, даже девочки.

После взятия крепости де Монфор приказал повесить Эмерика де Монреалья и всех оставшихся в живых рыцарей-катаров. Первым такой «чести» удостоился барон де Монреаль. Его, истерзанного, подвели к Монфору.

– Что скажешь, еретик? Твоё предсмертное пожелание, – де Монфор решил поиграть в снисходительность.

– Чтобы Бог обрушил свой гнев на твою голову! – не колеблясь, ответил де Монреаль.

– Повесить! – коротко приказал де Монфор.

Следом подвели ещё нескольких рыцарей, подданных барона.

Когда несчастных вздёрнули, столбы виселицы, неплотно вбитые, закачались и рухнули. Тогда Монфор приказал просто прирезать всех осуждённых. Де Рондо, правая рука де Монфора, рыцарь с явными садистскими наклонностями, собственноручно проткнул кинжалом горло каждому осуждённому. Барон де Монреаль, захлёбываясь кровью, хотел что-то сказать, но лишь взвёл глаза к небу и испустил дух.

Затем де Рондо, схватив Гироду, сестру Монреалья, сорвал с неё одежду и изнасиловал под дикие вопли французских рыцарей прямо рядом с трупом брата. Девушка, не выдержав издевательств и унижения, плюнула насильнику в лицо. Он взревел и с остервенением начал избивать несчастную. Кровь залила лицо Гироды, но она, собрав последние силы, прокричала:

– Будь ты проклят, де Рондо, вместе с Монфором! Бог покарает вас!

²⁷ Бефрой – таранное орудие.

Де Монфор спокойно подошёл к истерзанной девушке, истекающей кровью, схватил за волосы, протащил почти через весь внутренний двор замка и бросил в колодец. Её последний крик эхом донёсся из колодца.

Замок Монреаль был разграблен, мужчины, защищавшие его, обезглавлены, женщины оквернены и поруганы. Так проходил крестовый поход против Лангедока.

Аббат Рожэ, ярый соратник Арнольда, сопровождал войска де Монфора, наблюдая за зверствами и жестокостью, которую чинили французы, считая, что всё делается во благо Господа, и всячески поощрял расправы над лангедоками. Если бы Господь знал, что творят Его именем люди, он бы ужаснулся. Вскоре в Лангедоке слово «француз» стало синонимом убийцы, бандита и насильника.

Жуткое известие о семье де Монреаль принёс крестьянин, чудом спасшийся и сумевший во всём этом кошмаре добраться до Монсегюра. Графа Раймонда трясло от ненависти к французам. Он понимал: если Монсегюр падёт, то их ждёт та же участь, что и Монреалей.

...Весной 1209 года папские войска подошли первыми к Тулузе и осадили её. Рыцари Тулузы, преданные Раймонду VI, держались отважно и дерзко. Расположенная очень выгодно в военном отношении на слиянии двух рек, Гаронны и Арьеж, на возвышенном месте, крепость не позволяла взять городские стены с наскока.

Вскоре был осаждён и Монсегюр. Замок стоял на одном из отрогов Пиренеев, высотой в двести туазов²⁸. На гору Монсегюр к замку вела лишь одна дорога, которая находилась под постоянным контролем. Замок окружал ров, к единственным воротам вёл подъёмный мост.

Каждый день в осаде начинался одинаково: Раймонд лично проверял посты, дозорных на башнях, контролировал расход провианта. У Монсегюра было огромное преимущество: к замку вели тайные тропы, известные только местному населению, осаждённые в замке имели возможность незаметно уходить и приходить, добывая дичь на склонах Пиренеев.

С высоты дозорных башен замка каждый день Тулузы наблюдали, как враги разоряют их земли.

²⁸ Туаз – мера высоты в средневековой Франции, примерно 2 метра. Двести туазов примерно 400 метров.

Глава 4

Раймонд VI Тулузский, как правитель королевства вместе с баронами де Кастр, де Бокёр, де Памье, а также виконтами де Альби, де Ним, де Ферран, де Сент-Этьен, укрывшимися в Монсегюре со своими немногочисленными отрядами, уцелевшими в жесточайших схватках с врагом, держал военный совет. Шевалье Клермоном де Монсегюр на правах младшего брата также присутствовал на совете. Вот уже несколько дней с высоты замка они наблюдали, как французы, следуя призывам фанатичного аббата Арнольда, разоряют окрестные земли.

– Господа, хочу напомнить вам, что Монсегюр неприступен – история Лангедока тому свидетельствует. Мы выдержим любую затяжную осаду. Даже если иссякнет продовольствие, то мои люди, зная все потайные тропы, смогут охотиться в горах, добывая, таким образом, хоть какое-то пропитание. Предлагаю дожидаться момента, когда французы сами устанут от осады, и тогда предпринять вылазку.

Раймонд обвёл взглядом союзников, присутствующих на совете.

– Предложение верное! – высказался барон де Кастр. – Мы не настолько сильны, чтобы вступать с французами в открытую схватку. Я потерял половину рыцарей, защищая свои земли. Умереть проще всего, но кто тогда защитит сюзерена?

Граф де Альби закивал в знак согласия. Но барон де Бокёр возразил:

– Сиятельный наш сюзерен и вы, милостивые господа! Измотать противника длительной осадой – предложение, безусловно, заманчивое. Но что в это время станет с подданными нашего королевства? Осада может затянуться на месяцы. А в это время французы будут чувствовать себя безнаказанно и творить бесчинства. Думаю, вы все знаете о печальной судьбе графа Монреала и его несчастной сестры Гироды.

– Прошу, барон, изложите ваши предложения, – Раймонд прекрасно понимал, что имел в виду де Бокёр, произнеся столь пламенную речь.

– Ваше сиятельство, мои предложение очень простое: устраивать постоянные вылазки небольшими группами и не давать покоя французам, особенно ночью. Пусть они боятся спать на нашей земле!

Мнения вассалов сюзерена разделились. Графы де Альби, де Ферран и де Ним были за то, чтобы держать длительную осаду, как и предлагал сюзерен. Но бароны де Кастр, де Памье и граф де Сент-Этьен придерживались плана барона де Бокёра. Ситуация складывалась весьма щекотливая – четыре голоса против четырёх, принимая во внимание, что голос сюзерена решающий.

Клермон, до тех пор хранивший молчание, произнёс:

– Ваше сиятельство, граф Раймонд! Я как ваш верный слуга и, наконец, как брат и как лангедок, преданный своему королевству, прошу принять предложение барона де Бокёра. Оно весьма разумно в сложившейся ситуации. Мы не можем просто запереться на вершине горы в Монсегюре, в то время как враг разоряет наши земли, оскверняет женщин и убивает ни в чём не повинных мужчин только за то, что они – катары, а не католики! Позвольте совершить вылазку небольшим отрядом этой ночью и выяснить обстановку вокруг замка. Затем можно определиться, как и когда лучше нанести внезапный удар.

Раймонд внимательно выслушал брата. Он молчал, пауза затянулась. Сюзерен пребывал в раздумье, прекрасно понимая, что бездействие порой хуже опрометчивости.

– Да будет так, как вы говорите, шевалье, – произнёс он наконец. – Решено! Ночью следует произвести вылазку и разведать обстановку во вражеском лагере. Благодарю, господа, совет закончен. Шевалье, прошу вас задержаться.

Вассалы удалились. Раймонд встал со старинного кресла, на котором восседал ещё его легендарный прадед. Он подошёл к шевалье, положил ему руку на плечо и изрёк:

– Дорогой брат, вы проявили сегодня на совете зрелость мужа и талант убеждения. Я хочу открыть вам тайну подземных ходов замка, позволяющих беспрепятственно покидать Монсегюр в случае осады или захвата замка неприятелем. Вы, Клермон – шевалье де Монсегюр, а значит, единое целое с замком и должны владеть всеми его тайнами. Мой сын, Раймонд VII, пока слишком мал, чтобы оказать помощь советом или поступком. Поэтому, если со мной случится непоправимое, вы – в ответе и за семью, и наше древнее родовое гнездо – Монсегюр.

– Но позвольте, ваше сиятельство, ведь Монсегюр неприступен!

– Да, безусловно. Я не сомневаюсь в этом, но в жизни может случиться всё. Поэтому будьте готовы к самому худшему.

– К худшему? Что вы имеете в виду?

– К сожалению, дорогой брат, предательство погубило многие замки и города.

– Помилуйте, ваше сиятельство, вы питаете недоверие к своим вассалам или ко мне?!

– О, нет, дорогой Клермон, что вы! Только не к вам! Но порой у вассалов жажда жизни бывает сильнее чувства долга.

– Уверяю вас, ваше сиятельство, все сомнения напрасны. Вспомните отца барона де Бокёр. Он был благородным человеком, таков и его сын – нынешний барон Рамбаль де Бокёр. А граф Сент-Этьен – сама доблесть! Я, конечно, плохо знаю баронов де Кастра и де Памье, графа де Ферран, но убеждён, что они тоже достойные и благородные вассалы, преданные своему сюзерену.

– Дай бог, если именно так, как вы говорите, мой дорогой Клермон. Поверьте, я руководствуюсь не сомнением, а осторожностью. В такие минуты надо доверять своим людям, ничем не выказывая подозрений и сомнений, чтобы не оскорбить их, но надо быть готовым ко всему. А поэтому, следуя доводам разума, я запрещаю вам рисковать и принимать участие в сегодняшней ночной вылазке.

– Но ваше сиятельство!

– Никаких возражений, шевалье! Я вам приказываю как старший брат, как граф Тулузский и, наконец, как сюзерен королевства. Я уважаю ваше желание проявить отвагу и разделяю ненависть к врагу, но вы в ответе за графиню и племянника. Так что оставим ваше благородное рвение до лучших времён.

– Помилуйте, ваше сиятельство, как можно проявить подобное рвение в лучшие, мирные времена?!

– Клермон, вы слышали меня? Вы остаётесь в замке. Я настаиваю! Иначе я прикажу взять вас под стражу по законам военного времени как человека, ослушавшегося моего приказа!

– Да, ваше сиятельство, я повинуюсь вашей воле... – Клермон вздохнул. – Вы позволите откланяться?

– Да, Клермон, можете идти. Когда стемнеет, спускайтесь во двор, я покажу вам потайные ходы.

* * *

Вечером, как только Монсегюр окутала тишина и сон, Клермон накинул плащ и спустился во внутренний двор. Раймонд не заставил себя ждать.

– Идёмте, Клермон, – граф запахнул плащ плотнее, вечер был прохладным.

Клермон без лишних вопросов последовал за братом. Раймонд, держа зажженный факел в руке, подошёл к каменному колодцу, расположенному во дворе, откуда прислуга

брала воду для домашних нужд. Был ещё один колодец, более старый, почти у стены замка, из него обычно черпали воду для лошадей и охраны.

Возле колодца стояла резная каменная скамья в итальянском стиле. Кухарки обычно ставили на неё небольшие чаны, которые затем наполняли водой и по двое переносили на кухню. Раймонд встал около скамьи. Клермон был несколько удивлён: неужели граф решил предаться созерцанию небесных светил, присев на скамью?

Но вдруг Раймонд наступил на небольшую, украшенную смальтой²⁹ плиту, расположенную под скамьёй. Тут же одна из ног скамьи сдвинулась в сторону. В образовавшийся проём граф вставил увесистый ключ и повернул его трижды. Плита, на которой располагалась сама скамья, закрипела и сдвинулась со своего привычного места. Перед Клермоном разверзлась крошечная пустота, идущая во чрево земли. Раймонд осветил чёрный проём факелом.

– Этот подземный ход сделал ещё твой прадед – Раймонд IV. Для этого он пригласил известных мастеров из Италии. Им последний раз пользовался мой отец, Раймонд V, почти тридцать лет назад, когда мятежные вассалы барон де Монферей и граф де Кастелль имели дерзость окружить замок. Здесь они и их люди бесславно закончили жизнь предателей и обрели свои безвестные могилы... Я пойду первым, вы же, Клермон, следуйте за мной.

Раймонд осветил узкие ступени, теряющиеся в темноте подземного хода. Клермон осторожно ступил правой ногой на каменную ступень лестницы, выбитую в здешней горной породе, будто пытаясь удостовериться, насколько она прочна. Раймонд уверенно шёл вперёд, лестница закончилась, мужчины вошли в сам тоннель. Клермон огляделся, насколько позволяло скудное освещение факела, отблески которого выхватили стены, выложенные грубым камнем, добытым когда-то в Пиренеях. Сквозь камни сочились подземные воды, стены были влажными, местами покрыты плесенью. Воздух подземного тоннеля, пропитанный прелостью и гнилью, был спёртым и неприятным. У Клермона закружилась голова. Он представил себе, что находится в подземном царстве Плутона, отчего возникло тягостное ощущение безысходности.

Но вот Раймонд остановился, осветив факелом небольшую деревянную дверь, с правой стороны которой располагался рычаг.

– Необходимо потянуть рычаг вниз, и дверь откроется. Но этого сейчас мы не сделаем, поскольку не ведаем, кто затаился под стенами замка. Насколько мне известно, выход из подземелья расположен в небольшой природной пещере, в лесу, за рвом с водой, в восточной части горы. Так что людей можно вывести незаметно для неприятеля, а если потребуется, то они смогут укрыться в пещере на какое-то время. Она хоть и небольшая, но в состоянии вместить человек двадцать. Есть ещё один ход, который я покажу вам, как только выберемся отсюда...

Клермон с наслаждением вдохнул апрельский прохладный ночной воздух, подумав, что только крайние обстоятельства заставят его вновь спуститься в это подземное царство Плутона.

Раймонд направился в замок, он вернул факел на его прежнее место за ненужностью, поскольку все внутренние переходы и коридоры были и так прекрасно освещены. Братья поднялись в зал. Раймонд подошёл к камину, его боковины украшали две небольшие каменные виверны³⁰. Раймонд встал лицом к камину и запустил руку в пасть правого дракона. Декоративная плита, украшенная замысловатой шпалерой³¹ из жизни лесной богини Дианы³², отодвинулась, обнажив мрак потайного хода.

²⁹ Смальта – мелкая цветная итальянская декоративная плитка.

³⁰ Виверна – мифическое существо в виде дракона с хвостом ящерицы.

³¹ Шпалера – грубо вытканый гобелен.

– Ход ведёт на западную сторону горы. Дверь, ведущая наружу из замка, подобна той, которую вы уже видели в колодце. Теперь, пожалуй, всё...

– Ваше сиятельство, могу я задать один вопрос?

– Слушаю вас, Клермон.

– Простите за дерзкое любопытство, но кого вы отправляете в ночную вылазку?

Раймонд, не усмотрев ни малейшего подвоха в вопросе, ответил:

– Армана де Лакура, Клода Жэри и Жосса д'Остона – рыцарей из личной охраны. Я доверяю им и уверен, что получу достоверные сведения.

Клермон отлично знал де Лакура и не сомневался в его преданности дому Тулузов. Однако, несмотря на свою преданность, у того был серьёзный недостаток. Де Лакур постоянно попадал в различные истории, особенно, если дело касалось молоденьких девушек. Он страсть как любил дочерей зажиточных вилланов, пару раз его любовные приключения закончились столь не удачно, что пришлось ему откупаться от назойливых отцов пассий, один из которых пригрозил дойти до самого графа.

Раймонд же был щепетилен в подобных вопросах, считая, что дочери вилланов также имеют право беспокоиться о своей чести. Последним увлечением де Лакура была уже не молоденькая девушка, а зрелая вдова по имени Моник. Де Лакур сошёлся с ней почти два года назад, решив более не испытывать судьбу, так как служба своему сеньору для него была превыше семейного счастья и домашнего очага.

* * *

Как только Раймонд удалился в свои покои почивать, Клермон надел облегчённый панцирь котэ-макле, повесил короткий меч на перевязь, дабы было удобно передвигаться по горным тропам, накинул плащ и взял арбалет. Затем он проследовал в зал и запустил руку в пасть виверне. В зеве мифологического создания он нащупал небольшой рычаг. Клермон, не раздумывая, нажал на него, шпалера сместилась со своего привычного места, обнажив тёмный проход.

Клермон снял факел, висящий на стене около камина, и ступил во тьму подземного хода. Свет факела выхватил из темноты узкую винтовую лестницу. Он быстро спустился по ней, очутившись в подземном коридоре. Клермон уверенно двинулся вперёд, отгоняя прочь прежние мысли о царстве Плутона. Для него было важно покинуть замок незамеченным, занять удобную позицию недалеко от ворот и дожидаться отряд де Лакура, ведь он не знал, какой именно горной тропой проследует отряд.

Клермон достиг двери, ведущей наружу из подземного хода. Он нажал на рычаг, как и объяснял ему Раймонд. Тяжёлая дверь со скрипом отворилась. Клермон ощутил дуновение свежего ночного ветерка. Выйдя из подземелья, шевалье огляделся и увидел вокруг себя плотно разросшийся кустарник, который прекрасно скрывал его от посторонних глаз.

Осмотревшись, он заметил, что дверь, выпустившая его из чрева Монсегюра, оставалась открытой. Поэтому Клермон вернулся и, осветив её факелом, попытался найти некое устройство, позволяющее затворить ход.

Устройство, к счастью, обнаружилось. Это был небольшой рычаг, торчавший из стены и напоминавший по форме сухую ветвь. Клермон нажал на него, обе части двери сомкнулись в единое целое, ничем не напоминая о своём предназначении. Клермон сразу же загасил факел, чтобы не привлекать внимания многочисленных стражников на смотровых башнях.

Он притаился недалеко от того места, где обычно опускался через ров Большой подъёмный мост. В Монсегюре был ещё один, так называемый Малый мост. Последний не при-

³² Диана – богиня леса (рим.).

влекал к себе внимания лязганьем механизмов, которыми был оснащён тяжёлый мост и выдерживал человек сто одновременно.

В отличие от Большого моста, Малый оправдывал своё название: по нему одновременно мог пройти отряд не более чем из десяти пеших человек. Причём небольшие крепостные ворота находились высоко над землёй, примерно в два человеческих роста, поэтому воины на откидной мост спускались по верёвочной лестнице, которая тут же исчезала в чреве стены.

Клермон слышал о нём из рассказов Раймонда, а также сенешаля, помнящего ещё сражения тридцатилетней давности. На этот раз Клермон мог воочию наблюдать, как телохранители брата покидают замок. Неожиданно Малый мост ожил, приведённый в движение почти бесшумным итальянским механизмом, и опустился через ров. Малые ворота распахнулись. При свете луны Клермон различил, как люди спускаются по верёвочной лестнице, перебегают по мосту и скрываются в лесу. Несомненно, это проследовал отряд де Лакура.

* * *

Арман замер, прислушался, взвёл арбалет, нацелив его на кусты, откуда доносился едва различимый шорох. Клод и Жосс переглянулись, они всегда восхищались осторожностью Армана. Кто это: французские лазутчики или лесной зверь?

«Лазутчик», он же – лесной зверь, неожиданно заговорил человеческим голосом:

– Арман! Это я, Клермон!

Арман чертыхнулся.

– Любезный шевалье, что за шутки по ночам? Я подстрелил бы вас, как куропатку! И как бы это происшествие мы объяснили графу Раймонду?

Клермон молчал, понимая, что де Лакур абсолютно прав. А если бы он действительно выстрелил?

– Шевалье, вы наблюдали за лагерем французов? – спросил Клод.

Клермон утвердительно кивнул, решив, что небольшая ложь во благо дела – не помеха.

– Вы возвращаетесь в Монсегюр? – не унимался де Лакур.

– Нет, я иду с вами! – заявил Клермон решительным тоном.

– Хорошо, раз вам угодно, – согласился де Лакур, – но при одном условии: я – командир отряда, и вы выполняете все мои приказы. Вылазка в тыл французам – не увеселительная прогулка, а чрезвычайно опасное мероприятие.

– Да, капитан де Лакур, я согласен.

– Хорошо, тогда – за мной, вперёд. Переговариваться жестами, в крайнем случае – шёпотом. Арбалеты держать наготове.

Отряд из четырёх человек долго петлял горными тропами, пока не достиг подножья горы Монсегюр. Лазутчики затаились в небольшой природной лощине, из неё открывался великолепный вид на лагерь французов. Были видны часовые, костры, вокруг которых сидели и спали люди, многочисленные военные шатры белели в ночи. Маркитантки бесстыдно оказывали интимные услуги французам прямо в повозках, на своём незамысловатом товаре. Обстановка в лагере французов была спокойной и расхоленной, враги пребывали в абсолютной уверенности безнаказанности своих действий и беспомощности Монсегюра.

Клермон переглянулся с Арманом, они поняли друг друга без слов. Если французы так беспечны, то напасть на них – сам Бог велел. Внимание Клермона привлекли два дерева на окраине лагеря, их очертания были едва различимы при свете луны. И вот облако, закрывающее ночное светило, отогнал прочь ветер, и храбрые лазутчики увидели привязанных к деревьям растерзанных женщин, едва прикрытых лохмотьями.

Арман кивнул Клермону в сторону дерева, Клоду и Жоссу подал знак оставаться на месте. Клермон скинул плащ, чтобы он не стеснял его движений, и покинул лощину вслед за Арманом, осторожно пробираясь за кустами к привязанным женщинам.

Шевалье и капитан залегли недалеко от деревьев, прижавшись к земле. Арман прицелился из арбалета и снял часового своим коронным выстрелом прямо в горло. Клермон много слышал о меткости капитана, но в деле видел его впервые и был чрезвычайно поражён его меткостью и хладнокровием. Часовой, захрипев и захлёбываясь кровью, упал, ничем не привлекая к себе внимания. Неожиданно из-за дерева появился француз, видимо, он удовлетворял свою похоть с одной из несчастных пленниц. Клермон, не раздумывая, прицелился и спустил крючок арбалета. Болт³³ с лёгким свистом пронзил воздух, впившись французу прямо в пах. От неожиданности тот согнулся и упал, не успев издать ни единого звука. Тут же подскочил Арман и отсёк насильнику голову мечом.

Измученные, избитые, окровавленные женщины даже не поняли, что происходит. Когда шевалье и капитан приблизились к несчастным пленницам, те приняли их за очередных французов, пришедших насиловать и издеваться. Женщины не издали ни звука, чтобы не доставлять ненавистным врагам дополнительного удовольствия своим и так явным бессилием.

Шевалье и капитан испытали шок, увидев, как именно были связаны девушки. Они полулежали-полусидели, их руки, скрученные грубыми верёвками, задранные вверх, были привязаны к дереву; ноги же растянуты в разные стороны, насколько позволяли их мышцы, и привязаны всё теми же ужасными верёвками к колышкам, вбитым в землю. Да, о своём удобстве французы побеспокоились!

Лишь когда Клермон и Арман перерезали верёвки, пленницы (а все они были очень молоды, даже юны – младшая выглядела лет на двенадцать) поняли, что Бог услышал их молитвы и пришли ангелы-спасители, ниспосланные с небес в облике двух рыцарей-лангедоков.

Получив долгожданную свободу, девушки тут же бесшумно отползли в кусты, как ни тяжело им было передвигаться после перенесённых издевательств и побоев. За ними последовали Арман и Клермон. Достигнув лощины, Арман обратился к одной из девушек постарше:

– Как тебя зовут?

– Я – Нинет, ваша милость...

Она, схватив руку избавителя, поцеловала её, обильно оросив слезами. Арман, несколько растерялся, не ожидая подобного проявления женской благодарности.

– Скажи мне, Нинет, все те дни, которые вы провели в лагере французов, он охранялся так же беспечно?

– Да, господин... Они напивались, как свиньи, насильовали нас и издевались. Трёх девушек замучили насмерть несколько дней назад. Кажется, их даже не похоронили. Французы говорят, что еретичек не принимает земля.

– Нинет, а что стало с твоим селением? – спросил Клермон.

– Я из Сен-Филиппе, это в пяти лье отсюда. Его неделю назад разорили французы. Они увели весь скот, перебили всех мужчин и мальчиков, изнасиловали всех женщин и девочек, нас забрали с собой и гнали, как скотину, привязав верёвками к повозкам, нагруженным нашей же домашней живностью и добром!

Нинет тихо, почти беззвучно плакала, размазывая слёзы по грязному личику.

– Клод, сопроводи девушек в Монсегюр. Там им окажут помощь и накормят. А мы ещё задержимся здесь, – приказал Арман.

³³ Болт – стрела арбалета, отлитая из металла, пробивала металлические рыцарские доспехи с 50 шагов.

Клод, сопровождая несчастных, скрылся на горной тропе. Арман зарядил арбалет болтом.

– Предлагаю взять пленного француза. И не просто француза, а как минимум капитана, чтобы он рассказал о численности войска, более точном расположении сил противника, слабых местах и так далее.

Клермон и Жосс кивнули в знак согласия.

– Простите де Лакур, но мне кажется, что отсутствие убитого часового вскоре станет явным, и тогда в лагере неприятеля начнётся переполох. Может, стоит взять пленного в другом месте, скажем, пройти по тропе несколько восточнее, а уже там осуществить свой план?

– Слова ваши, Клермон, вполне разумны. Так мы и сделаем.

Трое лазутчиков скрылись в кустах, бесшумно передвигаясь в ночной тишине и прислушиваясь к каждому шороху. Главное, не терять бдительность! Наконец они обогнули гору и спустились к её подножью с восточной стороны. Картина, открывшаяся их взору, была приблизительно такой же, что и с южной стороны – костры, вокруг которых валялись перепившиеся французы, походные шатры, виднелся продовольственный обоз какого-то предводителя, в стороне стояли повозки маркитанток. Вокруг них шло бурное ночное веселье. Кто-то неумело мучил смычком струны виолы³⁴, ей так же фальшиво вторила ротта³⁵. Наигрывали, по всей видимости, какую-то французскую песенку. Маркитантки дружно подпевали охрипшими пьяными голосами и, задрвав многочисленные цветные юбки, пускались в пляс.

Трое храбрецов залегли за деревьями. Корявые корневища, извивавшиеся по земле, словно огромные змеи, служили надёжным укрытием. Лангедоки замерли, ожидая подходящего момента, недалеко от веселившихся маркитанток. Наконец их терпение было вознаграждено с лихвой. Один из любвеобильных французов, по виду экипировки явно офицер, чрезмерно нагружившись вином, уединился по естественной нужде недалеко от того самого дерева, за которым, вжавшись в землю, притаились Арман, Клермон и Жосс. Пока француз отливал, пошатываясь, оперевшись свободной рукой на дерево, Арман и Жосс подкрались к нему сзади. Арман ударил француза слегка камнем по голове, тот покачнувшись и осел, облокотившись на корень дерева. Жосс тут же накинул ему на голову плащ Клермона и скрутил верёвкой, начиная с шеи вплоть до колен. Вскоре француз напоминал упакованный квинтал³⁶ шерсти, приготовленный для продажи.

Арман и Жосс, ловко подхватили его, взвалили на плечи и в сопровождении Клермона, обеспечивающего прикрытие, направились в замок настолько быстро, насколько позволяла их увесистая ноша.

* * *

Обратный путь в замок занял гораздо больше времени, нежели путешествие вниз налегке. Лангедоки благополучно добрались до замка, их уже ждали с нетерпением. Клод благополучно доставил девушек в замок, и прислуга оказывала им всяческую помощь и утешение. Раймонд, обнаруживший под утро отсутствие Клермона, был взбешён его непослушанием, но, выслушав рассказ Клода, несколько охладил свой пыл и сменил гнев на милость, решив ограничить своё недовольство по отношению к брату лишь словесным выговором.

Стражники в надвратной башне были предупреждены о возможном появлении Армана, Клода и Жосса. С высоты башни они внимательно вглядывались в подлесок, окру-

³⁴ Виола – струнный инструмент.

³⁵ Ротта – щипковый инструмент, подобие скрипки.

³⁶ Квинтал – мера веса в средневековой Франции. Эталон веса определялся из расчёта, сколько может перевести вьючное животное, например гружёный осёл.

жавший замок. Уже давно рассвело, когда наконец по направлению к малому подъёмному мосту из подлеска появилась долгожданная троица. Двое несли некую увесистую ношу на плечах.

Малый мост опустился, из ворот появилась верёвочная лестница и огромная корзина для принесённого груза. Арман и Жосс погрузили свою нелёгкую ношу в корзину, её ловко подхватили стражники и втянули через распахнутые ворота внутрь крепостной стены. Затем поднялись Клермон, Жосс, замыкал процессию капитан де Лакур.

Раймонд с нетерпением поджидал разведчиков. Ему уже доложили о девушках, прибывших с Клодом, и обо всех тех ужасах, которые, увы, пришлось им пережить.

Арман прямо с дороги, не приводя себя в порядок, проследовал к графу и доложил обо всём, что пришлось увидеть и услышать. Раймонд был удручён рассказом де Лакура, прекрасно понимая, что вскоре от процветающего края не останется ничего. Французы сожрут и уничтожат всё что можно. А посему он ещё раз убедился в правильности решения, принятого на военном совете: не давать покоя французам постоянными вылазками, уничтожая врага.

* * *

Спустя два дня к вылазкам снарядили четыре отряда, по количеству сторон света: первый отряд – на южные отроги горы, второй – на северные, третий и четвёртый соответственно – на восточные и западные отроги. Каждый отряд состоял из пяти человек, учитывая, что, имея небольшую численность, он будет незаметным и более мобильным. Южный отряд возглавил Арман де Лакур, северный – шевалье Клермон де Монсегюр, восточный – Амильен де Амбьяле, западный – Жосс д'Остон. Воины облачились в котэ-трелиз, облегчённые сетчатые панцири, вооружившись кинжалами, арбалетами, фушартами* и треугольными тарчами*.

Отряд Жосса спустился в предрассветной дымке с горы к лагерю французов. Лагерь безмолвствовал, наёмники спали около костров. Жосс подкрался к часовому сзади и ловко перерезал ему горло кинжалом. Часовой обмяк и упал на землю, корчась в агонии.

Отряд Жосса прокрался в расположение лагеря. Лангедоки, приготовив фушарты к бою, тут же отсекали ими головы спящих французов близ тлеющего костра. Французы отправились к праотцам, не успев издать ни звука. То же самое отряд лангедоков проделал и у следующего костра. Но вдруг появились два француза, видимо, совершавших дозорный обход лагеря. Жосс и его люди упали рядом с обезглавленными телами. Жосс видел, как тёплая кровь сочилась из шеи убитого, орошая поруганную многострадальную землю Лангедока.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.